

Гай Юлий Орловский

РЦЧ@ДЗ

Длинные Руки —
штатгалтер

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – штатгалтер**

«ЭКСМО»

2014

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – штатгалтер / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2014 — (Ричард Длинные Руки)

Уже нет сомнений, что над миром нависла карающая десница Господа. Он намерен стереть людей с лица земли, ибо даже потомство праведного Ноя не сумело создать достойное общество. Часть ангелов, забегаая вперед, спешит ускорить уничтожение, страшась, что либо Создатель передумает, либо хитрые смертные вывернутся... И только доблестный сэр Ричард, король и паладин, встает на их пути с мечом Вельзевула в недрогнувшей руке!

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – штатгалтер

© Орловский Г. Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава 1

День ясный и солнечный, воздух чист и свеж, мир прекрасен, если не поднимать голову и не смотреть в небо. Зловещий багровый диск уже крупнее луны и хорошо виден днем. Ночью собаки воют и прячутся в конуры, а днем багровость превращается в не менее пугающую алость, словно предвещает щедрое пролитие крови.

Я с широкого балкона смотрел на столицу Сакранта и его зеленые долины за городской стеной, а за спиной появлялись лорды моей армии, тихо переговаривались, рассредотачивались по всей длине.

Все в праздничных одеждах, никто не отказал себе в удовольствии надеть золотые цепи, украшения из драгоценных камней. Помню, у многих кони украшены богаче хозяев, уздечки и вся сбруя в золоте, попоны из самого дорогого сукна, стремена блестят, разбрасывая веселые солнечные зайчики.

Принц Сандорин Винтонмаерский, единственный сын и наследник Его Величества короля Буркхарта Третьего, подошел быстро и молодцевато, блестя живыми карими глазами, молодой, поджарый, с короткими русыми усиками и такой же коротко подрезанной бородкой, нарядный и красивый.

– Ваше Величество?

Я сказал со вздохом:

– Мне так жаль, что вас не будет в час страшной битвы с Маркусом...

Он вскрикнул с патетическим негодованием:

– Ваше Величество! Но как же...

Я остановил его властным жестом, уже не просто короля, а монарха, чья власть абсолютна и непререкаема.

– Не успеваете прийти к роковому месту, дорогой друг. Мне так жаль... Я чувствую, битва случится в считанные дни или недели. Но ваша задача очень важна для нас. Вы обязаны держать весь Север... во всяком случае, эту часть Севера, под нашим контролем. Вы же представляете, что может начаться. Увидимся скоро, обещаю.

Военачальники смотрят серьезно и строго, только епископ Дециллианий торжественно перекрестился и прогудел густым басом:

– Или никто из нас не увидит божьего света. Разве что в иной жизни.

Я кивком подозвал Макса, он остался в дверном проеме, а то на балконе тесно. Он подбежал, не считаясь, что он теперь граф Стоунширский, и к его титулу прицеплено почетное звание Стрельмохольского по имени великой битвы, выигранной благодаря умелому командованию пехотными частями.

– Граф, – велел я твердым голосом, – вам надлежит взять треть... нет, даже половину нашей здешней армии, можно взять и сакрантскую, король Леопольд не будет против, как мне кажется.

Он смотрел снизу вверх, стройный, удлинённый, с узким лицом и почти девичьими синими глазами. Глядя на эти глаза, тонко очерченный нос и красивые, оформленные по-детски пухлые губы, можно бы заподозрить в нем девушку, но не только уже я знаю, что как полководец он на голову выше большинства моих закаленных в боях лордов.

– Ваше Величество?

– Немедля перейдешь границу с Мордантом, – отчеканил я. – Держись предельно вежливо и дружелюбно, мы не завоевывать идем, а помогать. Местные ополчения в бой не вступят, если не будете жечь и разорять их дома.

Он спросил почтительно:

– Если не завоевание... то что?

– Помощь, – пояснил я. – Гуманитарная. Надлежит сперва окружить столицу так, чтобы мышь не выскользнула. И никого не выпускать... Впускать можно. Для гуманизма.

– Осада? – спросил он деловито.

– Нет, – сказал я. – Ждете посланца из города. Вам объяснят ситуацию. Дело в том, что там в столице власть незаконно захватили оборотни. В Морданте почти демократия, так что оборотни могли бы, как некая партия, выставить своего кандидата и свою программу. Дескать, мы наведем порядок, очистим улицы от бродяг и преступников, истребим коррупцию...

Он смотрел зачарованно, не понимая и половины, но завороченный уверенностью моего голоса, напором и страстностью короля-реформатора.

– Но они предпочли незаконный захват власти, – закончил я. – Днем они как люди, за исключением пары часов, когда бегут через весь город, утрашая своим видом, а ночью – это звери. Не так, как мы, мы хоть и звери, но люди, а они целиком звери. Вам надлежит истребить их всех до единого. И тогда вас увенчают, как спасителей.

Лорды обрадованно зашумели, оказаться в роли спасителей всем нам нравится, мы мужчины и потому рождены быть спасателями и спасателями. А за это милостиво засеет спасенное пространство своим потомством, ибо его в первую очередь должны давать герои и подвижники.

– Оборотни чудовищно живучи, – предупредил я, – и сильнее любого воина. Потому действуйте в боевом строю. Никаких одиночных схваток...

Принц Сандорин воскликнул оскорбленно:

– Ваше Величество!

– Мне нужны живые герои, – отрезал я, – а не погибшие. И неважно, красиво погибшие или не совсем, но это все равно погибшие, и для казны убыток. Если вас там убьют, знайте, вы меня подвели!

– А если кто-то все же уцелеет? – спросил герцог Мидль. – Из оборотней, понятно.

– Местные маги выявят, – ответил я, – а вы доуничтожите. Главное, из города никого, пока операция не будет закончена.

Граф Андреас Райсборн, демонстрируя похвальную осторожность, поинтересовался:

– А если кто-то похож на оборотня, но непонятно, оборотень или необоротень...

Я сказал высокомерно:

– Вы что – интеллигент? Или доблестный воин?... При зачистке есть процент допустимых потерь.

Мидль спросил:

– Какой?

– Какой будет, – отрезал я, – тот и допустим... Убивайте всех подозрительных, это на пользу всем, даже убиенным невинно. Их сразу в рай, как пострадавших зазря. Они вам еще и спасибо скажут. Потом, когда встретитесь. Зато оборотней точно не останется.

Я жестом вернул всех с балкона в мой кабинет, на моем столе расстелена карта, лорды сгрудились вокруг, узнавая королевства Сакрант и тесно прижатый к нему Мордант.

Герцог Мидль задумчиво рассматривал карту, зачем-то пощупал, загнул край и посмотрел с другой стороны.

– Что-то не так? – спросил я.

– Старинная карта, – ответил он с одобрением. – Вы не любите старинное, а я вот люблю.

Под заинтересованными взглядами лордов он вытащил из нагрудного кармана крохотную раковину моллюска, разноцветную и хитро закрученную, дунул в едва заметную дырочку.

На карте начали медленно подниматься места, обозначенные как горы, ровные долины позеленели, а в трех черных полосках, означающих узкие и глубокие ущелья, часть карты опустилась настолько низко, прямо в столешницу, что остро захотелось заглянуть под стол, не висят ли там вывернутые карманы из древесины.

Горы налились резкостью и стереоскопичностью, отчетливые настолько, что, скажи я сейчас там, сейчас отсюда сумел бы, приглядевшись, рассмотреть себя в виде крохотного всадника.

– Хороший свисток, – одобрил я. – А еще что-то может?

Мидль посмотрел с укором.

– Этого мало?

– Нет-нет, – сказал я поспешно, – все здорово. Просто нет предела совершенству. Потому я вот такой замечательный, совершенствую себя и вас, а не окружающую природу, на хрен она мне сдалась, я же не пингвин какой-то... Дорогой герцог, общее руководство на вас, как самом титулованном, принц Сандорин останется с ограниченным контингентом в Сакранте... смотрите-смотрите, он и недоволен, что сражения будут без него, и доволен, что принцессу Аскланделлу охранять ему...

Лорды посмеивались, глядя на смешавшегося принца, а я снова указал на трехмерную карту.

– Дорогой герцог, армию поведете этой вот дорогой, смотрите внимательно. К счастью, двигаться почти прямо, разве что вот здесь и здесь небольшие зигзуги, но на скорость почти не повлияют.

Зигмунд Лихтенштейн деловито измерил расстояние вытянутыми пальцами, а затем еще и приложил на последнем отрезке пути мизинец, подогнув фалангу, чтобы точнее подсчитать количество дней на продвижение его тяжелой конницы.

Макс измерил расстояние для своей пехоты заготовленной ниточкой с узелками, задумчивое лицо просветлело.

– Успеем пройти ускоренным маршем только с короткими остановками на ночь, – сообщил он бодро. – В Морданте не успеют опомниться, как столица будет в кольце. Какое сопротивление ожидать?

– Либо никакого, – заверил я, – либо самое минимальное. Оборотни сделали для нас хорошее дело: распустили королевскую армию, так как только армия могла помешать их владычеству.

– Не может своя, – пробормотал Мидль, – сможет наша. Ваше Величество, судя по вашим словам... скоро отбудете?

Я кивнул.

– Сегодня же. Даже сейчас.

– И... как обычно?

Я понизил голос:

– Самая опасная профессия, как уже знаете, у королей. Убийцы охотятся за ними чаще всего. Потому, как я уже говорил, я принял решение передвигаться без свиты. Она не столько защищает, сколько привлекает внимание к объекту.

Зигмунд пробормотал:

– Ох, Ваше Величество! Возникают другие опасности...

– Я подсчитал, – заверил я, – и убедился, – что их меньше, когда я без свиты.

Он сказал со вздохом:

– Тогда хоть собачку не оставляйте! Она за вас любого порвет.

– Бывают щели, – сказал я невесело, – куда он не пролезет.

Он посмотрел с недоверием.

– А вы?

– Человек пролезет везде, – ответил я. – А сейчас, дорогие друзья, оставляю вас. Увидимся либо после победы над Маркусом, либо на том свете.

Праздничной гурьбой вышли проводить сюзерена.

– Все остаются, – распорядился я. – Выступаете сегодня же... Операцию по очистке Морданта нужно завершить в самые кратчайшие сроки. Хорошо, принц, вам армию не готовить, можете проводить до городских врат.

По Генгаузгузу уже прокатились слухи, что король Ричард, победитель Мунтвига, в честь такой великой победы объявил себя монархом, что не совсем правда, насчет Мунтвига, моя стратегия не зависит от всяких там мунтвигов, но народ выбирает объяснения попроще и попонятнее.

На середину дороги, что ведет от площади в сторону городских ворот, вышел дряхлый священник, вскинул в дрожащей костлявой руке крест и прокричал визгливым голосом:

– Монарх? Нет такой короны, что могла бы защитить от гнева всевышнего!

К нему бросились с обеих сторон тротуара, утащили, а я прорычал, выказывая гнев, которого не чувствую, но народ должен понять, что я гневен и лют, это в зародыше придушит подобные выступления обличителей:

– Нет такой головы, которую не могу снять, пока корона на моей голове.

Принц Сандорин покосился в мою сторону, понял наигранность гнева и сказал с иронией:

– Вот это в духе милостивого и справедливейшего. Поздравляю, Ваше Величество.

Я прорычал злобно:

– Вообще-то сейчас по всему миру должно быть чрезвычайное положение! Или военное.

Не знаю, какое из них какое, но я бы ввел оба. А потом еще и третье...

– Какое? – спросил он с любопытством.

– Придумал бы, – пообещал я зло. – А чем народ занят? Похуже пира во время чумы. После чумы, опустошившей Европу, хотя бы выжили иммунные одиночки и быстренько снова все заплодили, благо дома и города уцелели.

– Быстренько и бодренько заплодили и заселили, – пробормотал он. – Благодаря разрешению папы римского на многоженство. Все-таки церковь может быть гибкой.

– В чрезвычайных условиях, – согласился я. – А вообще-то церковь – это не конь, а вол.

– Ваше Величество?

– Идет очень медленно, – пояснил я, – но тащит тяжелый воз с грузом гуманитарной помощи. Нет, это потом будет гуманитарная, а пока что тяжело и надсадно, хрипя и задыхаясь, тащит все человечество из тьмы к свету...

– Зато мы еще те кони, – воскликнул он бодро, ничего не поняв из сказанного. – А куда мы поскачем, Ваше Величество?

– Невтерпеж?

– Уже ржем, – заверил он, – и роем землю копытами!

Я покосился на его жизнерадостное лицо и поймал себя на том, что, как и большинство, абсолютное большинство, стараюсь не захватить взглядом небо, словно опасность, если ее не видеть, исчезнет.

С каждым днем убеждаюсь все сильнее, что эта тварь не летит к нам в привычном представлении, все-таки планета вертится, а как-то иначе все, словно в самом деле эта штука в небосводе проламывает дырку в одном месте.

И, возможно, только-только начинает полет, а то и вовсе еще не оторвалась от пусковой площадки, а лишь включила двигатели, уже соединив точку старта и точку прибытия.

– Сохраняйте власть над Сакрантом, – сказал я негромко, – и всем регионом. Сейчас это самое важное. Все, принц, возвращайтесь.

Он проговорил тихо:

– Позвольте повод вашего коня?

– Сам вернется, – сказал я, – это тревожное время скоро кончится, принц.

Он развернулся под моим строгим взглядом и погнал коня обратно в сторону дворца. Я пустил коня к арке городских ворот, а когда миновал их, быстро свернул в сторону и через пару минут оказался за небольшой рощей, скрывшей нас от взглядов с городских башен.

Глава 2

В той страшной битве с Терросом сгорели все кольца и браслеты, что были на мне. Но осталось то, что когда-то сложил в седельную сумку на арбогастре. Сейчас там у меня множество колец и перстней, что некогда украшали пальцы Великого Мага, повелевающего демонами на Юге в королевстве Гессен. Его звали, если не ошибаюсь, Гатонес. После победы над ним демоны стащили с него все кольца и унижали мне пальцы обеих рук. Плюс всякие талисманы, но я их тут же снял, не шаман все-таки, чтобы навешивать на себя все имущество.

Так что у меня все равно прибавляются возможности, что так важно, а среди них самые жизненно необходимые для меня способности передвигаться быстро и очень быстро.

Я непроизвольно коснулся кончиками пальцев браслета на левом бицепсе. Тот устроился под рукавом рубашки так уютно и незаметно, что уже не чувствую, как привыкаем и перестаем замечать щербинку на зубе, которая в первые дни жутко раздражает.

Браслет был создан в одну из эпох, от которой не осталось следа, южный демон с той стороны силового экрана смог сообщить только то, что эта штука предельно опасна, хотя не мог объяснить чем. То ли взорвется, то ли занесет не туда. Да и сам понимаю, для управления нужен очень дисциплинированный мозг. В продвинутом обществе все управляется мозговым интерфейсом, а у меня мозги какие-то хаотичные, страстей и непонятных желаний больше, чем крупниц ума. Конечно, никому в таком не признаюсь, отец народа всегда должен быть сдержан, светел и ясен ликом и всем обликом, но себе-то могу сказать хотя бы мысленным шепотом и предварительно оглядевшись по сторонам?

Поколебавшись, я все же взлетел птеродактилем: нужно отследить с высоты движение армии, а уж потом...

Бриттских лордов двинул в сторону Морданта еще вчера. Во главе граф Виллебуа-де-Марейль ведет спешным маршем свои пешие отряды, жаждет ревностно отработать пожалование ему титула фрейграфа, замок в Юканглярде и обширные земли в Эбберте. За ним с тяжелой конницей барон Аскланд, мною возведенный в графы с пожалованием земель в том же Эбберте. А в арьергарде семьсот рыцарей баронета Каундифепбирфа и его же полторы тысячи тяжелой конницы. Вполне достойное войско, что могло бы решить поставленную задачу и самостоятельно, но жизнь такова, что подстраховывать нужно надежными людьми, проверенными на лояльность еще со времен Армландии.

Совсем недавно я мчался в Мордант на Зайчике и в сопровождении Бобика, выполняя просьбу Вельзевула, когда тот направил меня найти и отправить обратно в ад барона Вимборна. Тогда мне пришлось преодолеть двести миль, но до столицы Морданта намного ближе, чем до того замка. Даже пешие войска Макса достигнут ее через трое суток ускоренного марша, а конница еще раньше перекроет все входы и выходы из города.

С высоты хорошо видно, что армия движется бодро и уверенно, граф Виллебуа-де-Марейль спешит пройти к столице Морданта до того, как бриттские отряды догонит моя армия, и вообще все двигаются компактно, даже в походе сохраняя относительный боевой порядок.

Хоть с этим хорошо, сказал горько внутренний голос. Но этот поход имеет смысл только в случае, если справимся с Маркусом...

Я опустил голову, выбирая место посадки, не на крыльях же спешить в долину отца Миелеса к скардеру, успел увидеть, как слева в небе блеснула искорка и метнулась в мою сторону. Я не успел испуганно каркнуть, сильный удар сотряс от клюва до кончиков когтистых лап, а жгучая боль пронзила каждую клетку тела.

Запах тлеющей плоти ощутил уже в падении, понял в страхе, что горит мое мясо, попытался выровняться, но крылья почти не слушаются, боль сковала все тело.

Не сумев опереться на непослушные перепончатые, я рухнул на вершину дерева. Ветви спружинили, но не удержали грузное тело, меня с треском тащило ниже и ниже, пока не ударило о покрытый коричневым мхом холмик, где я скатился в ложбинку.

В левом крыле широкая дыра с оплавленными краями, мерзкий тошнотворный запах горелого мяса ударил в ноздри. Я попытался зарастить рану, не получилось, кое-как перетек с великим трудом в человеческое тело.

Раны вроде бы нет, зато разрастается злая боль во внутренностях. Я поднялся на дрожащих от слабости ногах, вокруг толстые стволы в три-пять обхватов, ветви высоко на вершинах, лес смотрится чужим и опасным...

Шагах в пяти коротко и страшно блеснул яркий свет, особенно ослепляющий среди мрачных деревьев, и тут же собрался в рослого человека в сверкающих доспехах позднеримского образца, то есть в кирасе, наручниках и поножах. С плеч красиво ниспадает короткий алый плащ, на золотом поясе висит короткий римский меч в позолоченных ножнах.

– Ты чудовище, – сказал он красивым голосом, мужественным и в то же время чистым и звонким, – тебе нет места среди людей.

Я прохрипел, держась за бок, где не утихает режущая боль:

– Я... человек... а вот ты... нет...

– Но решаю я, – ответил он уверенно.

– Не по праву, – с трудом выговорил я. – Никто не имеет права...

– Уже имеем, – сказал он. – Ты набрал слишком много силы. Нечеловеческой.

– Такое не бывает слишком, – пробормотал я. – Это на благо, а не во вред... Почему не заживает моя рана?

Он нехорошо улыбнулся.

– Раны, нанесенные нами, не заживают. А человек создан слабым и должен таким оставаться. Нам не нужно его усиление. Нам не нужно, чтобы ты научил его странному способу создавать книги очень быстро и точно...

– Книгопечатание? – спросил я. – Так мы же печатаем только Библию. Даже поучения святых мучеников еще не начали!

Он медленно опустил ладонь на рукоять меча.

– Тебя вроде бы предупреждали, – сказал он. – Или еще нет? Впрочем, сейчас это неважно.

Так же неспешно, наслаждаясь заметным превосходством, он потащил из ножен клинок.

Я зажмурился на миг от блеска пылающего огнем лезвия, а когда открыл глаза, клинок был направлен острием мне в лицо.

– Зачем? – вскрикнул я. – Разве мы не на одной стороне?

– Это неважно, – ответил он. – В тебе столько тьмы, что убить тебя... на небесах только воспоют гимны.

– Я не хочу с тобой драться, – сказал я нетвердо.

– А придется, – произнес он хрустальным голосом.

Я отпрыгнул в сторону.

– Я не буду.

– Будешь, – пообещал он.

Я отступил на шаг, потом еще, его клинок похож на застывшее пламя, яркое, с твердыми протуберанцами по всей длине лезвия, делающими меч похожим на пилу.

– Что ты делаешь? – крикнул я.

– Что должен, – отрезал он и, молниеносно быстро оказавшись передо мной, взмахнул мечом.

Рефлексы заставили мои руки выдернуть меч. Лезвия ударились друг о друга с жутким лязгом, я отступил еще, но ангел тут же шагнул вперед, я парировал новый удар, на лице противника проступила торжествующая улыбка.

Не знаю как, но я все же отражал его удары, сам заставив себя двигаться с предельной скоростью, но хриплое дыхание, топот и сопение идет только с моей стороны, ангел двигается балетно красиво и абсолютно бесшумно, а на лице улыбка еще шире, я даже не думал, что ангелы могут улыбаться вот так злорадно и торжествующе.

Он ускорил вихрь движений, я чувствовал, что уже не успеваю, сделал отчаянную попытку напасть, прыгнул вперед и ударил наискось... он легко и с такой силой парировал мой удар, что у меня занемели руки по самые плечи.

Он тоже остановился, всмотрелся в мое лицо сверкающими, как звезды, глазами, в то время, как я жадно хватал широко раскрытым ртом воздух.

– Ты жалок и слаб, – проговорил он с невыразимым презрением. – И такое существо надеется остановить карающую десницу Господа?

Я не успел увидеть, как его левая рука метнулась вперед. В животе резануло острой болью, я страшно вскрикнул, а он отступил легко и свободно, как танцор, в кулаке зажата невеста откуда взявшаяся там рукоять длинного острого ножа. С лезвия стекает моя кровь, красная и горячая, которой так же страшно и одиноко, как и мне.

Колени мои подломились, словно одновременно с кишками перерезаны сухожилия. Я зажимал обеими ладонями кровоточащую рану, с ужасом понимая, что моя регенерация не срабатывает и на этот раз.

Он рассматривал меня сверху с выражением злобного наслаждения на лице.

Рухнув на колени, я спросил хрипло:

– За... что?

– Не нужно было вмешиваться, – произнес он отдельно. – Ты чересчур ничтожен... Ты тля.

Не удержавшись на коленях, я повалился на бок. Незнакомец вскинул меч в воздух, тот вспыхнул радостным огнем и, перекувыркнувшись дважды, красиво и ювелирно точно вошел острием в ножны.

Я смотрел на него остановившимися глазами. Язык во рту распух, острейшая боль терзает внутренности, попытался сказать хоть слово, и не мог, а незнакомец отступил на шаг, вскинул руки.

За спиной красиво и мощно поднялись крылья, могучие даже с виду, сверкающие золотом. Я видел, как они сделали величественный взмах, словно ударили веслами по воде, и этот неизвестный ангел мгновенно исчез, оставив тут же растаявшую светлую полосу в небе.

Я попытался пошевелиться, но лишь чуть поскреб пальцами землю. Тяжелая, как скала, голова лежит щекой на земле, но не чувствую, песок там, трава или камень.

Тело онемело, я обреченно понимал, что постепенно все умирает, начиная от кончиков ног, а перед глазами мир медленно теряет четкость.

В этом полутумане возникла смутная тень, человеческая фигура в бесформенном плаще с наброшенным на голову широким капюшоном. Неслышно приблизилась, а я смотрел искоса снизу вверх, но не мог шевельнуть губами.

Незнакомец вышел из тени, свет упал на нижнюю часть лица. Я решил, что это женщина, но это потому, что так хочется, мужчинам легче общаться с женщинами, как и женщинам с мужчинами, хотя строгие глаза и заостренные черты лица вроде бы говорят, что передо мной все-таки мужчина.

– Ты хорошо дрался, – проговорил он мягким мелодичным голосом, и я снова подумал, что это все-таки женщина, – твоего противника победить невозможно.

Его руки поднялись к капюшону и медленно опустили его на спину, открыв безукоризненное лицо с идеальными и какими-то безжизненными, как у манекена, чертами. Волосы, впрочем, длинные, но у мужчин они бывают и подлиннее.

Я хотел сказать, что победить можно всех, но губы не шелохнулись. Однако незнакомец понял, ответил с грустью:

– Нет, хотя ты дрался всего лишь со щенком.

Я почти прошептал:

– Щенком?

– У него такая кличка, – пояснил незнакомец. – Гур или митгарер, это за его скверный характер. Увы, его победить невозможно. Никому.

Он легко и грациозно опустился рядом, так может только женщина, молодая женщина, небольшая ладонь легла мне на грудь. Сладкая судорога изогнула мое тело так, что едва не лопнул позвоночник.

Я вытянулся, не веря своим ощущениям. Боль моментально ушла, кровь тугими толчками погнала жизнь по жилам, я ощутил, как в спину колет мелкая острая галька, а сверху, кто бы подумал, рассматривает меня в просвет между зелеными кронами деревьев синее яркое небо.

– Кто ты? – спросил я.

Незнакомец чуть качнул головой.

– Мое имя тебе ни к чему. Хотя, возможно... когда-то узнаешь.

– Ладно, – сказал я. – Кстати, спасибо.

Он усмехнулся.

– А вот настоящее имя твоего противника знать стоит.

– Кто это был?

– Алфофаниэш, – ответил он. – Сам Алфофаниэш.

Я пробормотал:

– Мне это что-то должно сказать? Или следует упасть на колени?

– Ты же не упал на колени? – ответил незнакомец.

Он отступил и неспешным движением снова набросил двумя руками на голову капюшон.

Я сказал напряженным голосом:

– Мне кажется, у вас с этим Алфофаниэшем что-то общее.

– Общее есть у всех, – ответил незнакомец.

Я подумал, что да, всех сотворил Всевышний, но это богословский вопрос, неуместный сейчас, я ощутил, что разговор вот-вот прервется, спросил в лоб:

– Ты можешь сказать, за что он напал?

– Разве тебе не было сказано?

Незнакомец улыбнулся, отступил еще на пару шагов. Я успел увидеть, что под его ногами трава даже не шелохнулась, но в следующий миг он вскинул руки, блеснул яркий свет, и я остался на поляне один.

Мозг в полностью излеченном теле работает лихорадочно быстро, в долю секунды я словно в дивном озарении понял, как можно пройти за ним, что нужно сделать, и тут же, сохраняя в памяти это дивное лицо под капюшоном, повернул браслет.

– За ним... Не потеряй след...

В последний миг все же сообразил, что делаю чудовищную ошибку, но было поздно, острая боль уже ввинтилась во внутренности.

Я задержал дыхание, усилием сделал шаг, проламываясь в нечто жаркое, пахнувшее огнем в лицо.

Очнулся, как показалось, через вечность. Душу распирает ослепляющий ужас, а едва вспомнил то, что успел увидеть в последнее мгновение, перед тем, как мне сожгло глаза и вообще лицо, судорога снова скрутила все тело.

Я захрипел, ощутил, как ногти скребут землю, поспешно поднял веки. Моя щека все так же на земле, только теперь ее щекочет снизу зеленая жесткая травка, два муравья нахально доят тлю, дальше открывается вид сверху на широкую реку.

Приподняв голову, я увидел прежнего незнакомца в плаще почти рядом, сидит прямо на земле и задумчиво смотрит на реку.

Я попытался заговорить, из горла вырвался стон. Он повернул голову, взгляд внимательный, сочувствующий и насмешливо брезгливый, как мне показалось.

– Очнулся, – проговорил он с непонятной интонацией, и я понял, что это все-таки женщина. – Даже не знаю, чего в тебе больше, живучести или глупости?

– Завидовать нехорошо, – прохрипел я.

– Да, – ответила она ясным голосом, – нам остается только завидовать. Или наконец-то все это... прекратить.

– Я одарен щедро, – прошептал я и закашлялся, выплевывая черный дым сгоревших внутренностей и чего-то еще, похожее на черные угли. – Во мне и мудрость, и глупость, и что-то еще, до чего еще не дорылись.

Она проговорила так же неспешно:

– И все-таки глупостью одарен больше... Потому не могу понять, как вы сумели выжить все это время?

Я проговорил слабо:

– Не напоминай... Ну сглупил, сглупил... Дурак потому что. Не подумал. Это ж слабые думают, а я ж герой. Для героя думать – позор. Кто ж знал, что ты там... живешь, что ли?

– Еще мгновение, – ответила она, – от тебя не осталось бы и пепла.

Я передернул плечами.

– Честно, это впервые. Наверное, давно уже поступаю только умно? Потому неизрасходованной дурости поднакопилось, чтобы потом... р-р-раз! Значит, надо дурить каждый день понемногу, чтобы потом вот так не сорваться.

Она усмехнулась.

– Интересная философия. Это философия, да?

– Конечно, – заверил я. – Чистосортная, выдержанная и настоящая. Как чугунная слеза ребенка.

Она произнесла задумчиво:

– Я так и подумала.

Глава 3

Я осторожно поднялся, слабость во всем теле, но не шатает, шагнул ближе и со всей деликатностью сел рядом. Она не шелохнулась, продолжая все так же смотреть задумчиво вдаль.

– Красиво? – спросил я.

Она чуть кивнула.

– Да. Но когда русло проходило во-о-он там, где те горы, было еще красивее. А здесь на берегу рос лес.

– Сосновый? – спросил я.

– Нет, – ответила она ровным голосом, – в основном березы.

Я кивнул.

– Понятно. Голосеянные. А хвои и плауны нравились?

Она повернула голову и посмотрела мне в глаза.

– Это те... большие, как деревья, папоротники? Нет, в них было что-то... слишком простое. Большие, но простые.

– Хорошая оценка, – сказал я с одобрением. – И зверьки тогда бегали огромные, как дома, но простые. Сейчас выродились в ящериц, потому что миром правит тот, кто сумел усложниться. Верно?

Она не сводила с меня взгляда.

– Кажется, я понимаю, к чему ты. Мы слишком простые? Как те исполинские жабы и ящерицы?

– Ты не простая, – сказал я, неуклюже уклоняясь от прямого ответа. – Ты же как-то сумела.

Она снова устремила взгляд на медленно перекатывающиеся волны, голос прозвучал глухо и безжизненно:

– Таких очень мало. Творец предостерегал нас от гордыни, но она продолжает все еще расти в каждом из нас.

– Повод есть, – сказал я и невольно содрогнулся. – С такими возможностями... бр-р-р-р... И как тебе в теле человека? Ты была с теми, кому Творец сказал, что раз вы так уверены, то облекитесь плотью, сходите к людям и сами убедитесь?

– Нет, – ответила она, – не была.

– Позже?

– Да, – сказала она. – Я ушла позже. И потому для меня нет дороги к Небесному Престолу. Зато полностью открыт мир ада, как вы его называете.

– А как называете вы?

– Это неважно, – ответила она. – У него много имен. Только я не совсем то, что ты сейчас думаешь, вижу по твоему лицу. Вы, люди, полагаете, что есть только светлые и темные. На самом деле все не так... Но это знают только те, кто изучает старые книги. Например, Азазель был сотворен для блага людей, и даже после того, как увел с собой двести ангелов на гору, что с того дня зовется Хермон, что значит «гора отступников», а оттуда спустился к людям, он не перестал пользоваться вниманием и любовью Творца. Азазель научил людей добывать медную руду и выковывать из нее топоры, обучил, как смешивать с оловом и получать прочную бронзу, из которой люди тут же начали делать оружие, чего Азазель совсем не хотел. Он научил людей прорывать шахты, добывать редкие металлы и драгоценные камни, но и это люди сумели обратить во вред... Хотя Азазель и ослушался Творца, но у него не было злых намерений!

– А другие? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Шамхазай, который первым пошел за Азазелем, научил людей колдовству и использованию лечебных и магических свойств трав, корешков, коры. Бракиель научил людей наблюдать за звездами, отсюда у вас астрономия, Кохвиель и Тамиель привили начала астрологии, а Сахариель объяснил, что такое фазы Луны и как они влияют на приливы в море и в крови человека...

– А еще, – сказал я с мстительной ноткой, – вы тогда начали вступать в браки с земными женщинами. А что родилось от этих браков, я уже знаю.

Она сказала ровно:

– А мы знаем, что ты с ними сделал.

Я сказал поспешно:

– Не сваливай все на меня! Нефелимов и стоккимов перетопил Творец. Он и потоп наслал именно такой высоты, чтобы нефелимы, стоя даже на самых высоких горах, оказались под водой. Кому, как не Творцу, знать высоту созданных им гор?.. Всего на пару дюймов выше головы самого высокого нефелима, но этого хватило. Сорок суток никто не простоит даже на цыпочках.

– Все-таки малая часть уцелела, – возразила она, – они работали в глубоких пещерах, а когда вода начала поступать к ним, сумели перекрыть все щели. Однако последних перебил ты.

– Неправда, – сказал я торопливо. – Выходит, не все знаете. Я мог бы, но не перебил.

– Что?

– За это меня еще и вздрючили, – сказал я, защищаясь. – На церковном совете судили... Кстати, решение еще не вынесли. Может быть, сожгут, как еретика и отступника.

Она повернулась и долго всматривалась в мое лицо.

– А ты не врешь...

– Чего мне врать, – сказал я с достоинством. – Я вообще никогда и никому не вру. Без необходимости. Есть ловкачи, врут ради искусства, а я человек серьезный, политик, ко всякому искажению правды отношусь очень серьезно. Да ты и сама видишь по моему удивительно честному лицу с пречестными глазами, что я вообще как бы не вру вовсе.

Она поинтересовалась:

– Но... почему? Тебя послали убить нефелимов... но ты не убил?

Я пожал плечами.

– Нефелимы – не вы, гордые ангелы. Они признали меня властелином и преклонили передо мной колени. Как я мог истреблять своих подданных? Я велел им хорошо трудиться, не ронять молоты на ноги и... удалился. За что и схлопотал от своих.

Она долго молчала, то поднимая на меня взгляд, то опуская снова. Я молчал тоже, наконец она проговорила тихо:

– Да, этого никто бы из нас не сделал.

Я сказал с кривой усмешкой:

– Чаще всего мы сами себя не понимаем. Это беда, конечно, но мы оптимисты и даже гордимся своей дуростью и непредсказуемостью. Это наша национальная черта человека.

Она сказала невесело:

– Большинство из вас остались верны убеждениям. Считается, это хорошо. Верно?

– Да, – ответил я. – Так в большинстве народа считается.

– Но ты так не считаешь?

– Нет.

– Но если мир меняется, хорошо ли быть неменяемым?

Я сказал осторожно:

– Хорошо. В смысле, неменяемым жить легче. Но, конечно, это неверно, хотя в таком повороте и если смотреть под углом сверху справа, то уже другой аспект.

– Не поняла, – сказала она, – скажи проще.

– Смотря в каких случаях, – пояснил я.

– А если вообще?

– Если вообще, – сказал я все с той же оглядкой, непонятно, куда клонит, – то человек должен, просто обязан меняться. Все рождается круглыми дураками. Но нельзя оставаться такими, хотя, конечно, многие остаются... Так жить легче.

– И что это вам дает? – спросила она, и у меня пробежал холодок по коже от невзначай и равнодушно оброненного «вам», хотя уже понятно, кто она, а кто я.

– Много, – ответил я. – Много дает. Даже отдельным людям, а уж всему нашему расплодившемуся племени... Дети с детства усваивают то, что родители открыли невероятными усилиями за всю свою жизнь. Потому дети чуточку умнее и чуточку идут дальше.

Она подумала, сказала со вздохом:

– Правильный ответ.

– Еще бы, – сказал я хвастливо. – Я весь из себя правильный. Могу даже научить крючком вязать. Или на спицах.

Она впервые улыбнулась, лицо начало напоминать живое.

– Ты и это умеешь?

– Я ж говорю «научить», – возразил я с достоинством. – Учитель вовсе не обязан уметь сам. Я больше высокорожденный теоретик.

Она покачала головой.

– Нет, учиться вязать не стану. И так прошлое давит тяжелым грузом.

– И мешает усваиваться новому? – спросил я.

Она взглянула пристально.

– Да, мы сделали ошибку, не поверив, что такое слабое существо из глины сможет стать лучше, чем оно есть.

– Но кто-то же поверил? – спросил я.

Она снова покачала головой.

– Нет.

– А верные Творцу ангелы?

– И они не поверили, – ответила она просто. – Всего лишь не решились возражать. Тогда никто не поверил.

– Тогда, – повторил я, – а как сейчас?

– Верно улавливаешь, – похвалила она. – Сейчас правоту Творца увидели многие, но это...

Она запнулась, подбирая слова, долго думала, я подсказал:

– Только ожесточило?

В ее глазах проступило нечто похожее на уважение.

– Как догадался?

– Знакомо, – сказал я угрюмо. – Люди, вместо того чтобы признать свою дурь и повиниться, еще больше начинают...

– То люди, – напомнила она.

– Первый раз, – напомнил я, – двести ангелов спустились к людям еще в допотопное время и таких блох от них набрались да еще и новых наплодили, что пришлось вызвать потоп, чтобы смыть с лица земли ту скверну.

Она сказала резко:

– В потоке виноваты люди!

– Люди во всем виноваты, – согласился я. – Но и победы тоже наши.

Она отвела взгляд и долго смотрела на спокойную гладь реки.

– Тогда люди погубили тех ангелов, – проговорила она. – Нет, это не снимает вины с Азазеля и тех двухсот, но они были полны решимости помочь людям...

– Есть такой тост, – сказал я, – пьем за то, чтобы наши возможности совпадали с нашими желаниями... Это мы сейчас где? Что-то не узнаю места... Тот лес был сосновый, а тут каштаны...

Она произнесла, не поворачивая головы:

– Это место рядом с тем, куда ты так спешил...

– А, – сказал я обрадованно, – окрестности Геннегау? То-то тепло так... Сказано, юг. Ну, почти юг. Как ты поняла? Я говорил в бреду? Да, в ионы меня не примут... Ты не против, если позову свою лошадку? И собачку?

Она произнесла безучастно:

– Зови.

Я повернулся в одну сторону, в другую, на грани видимости нечто розовое, словно полоска рассвета, сердце стукнуло радостнее, это же далекие стены Геннегау, приложил руки рупором ко рту.

– Зайчик... Бобик... Ко мне, мои замечательные морды!!!

Она посмотрела с вялым любопытством.

– Услышат?

– На любом расстоянии, – заверил я гордо.

– Тогда орать не обязательно, – заметила она.

– Тоже верно, – признал я. – Просто привычка. Если далеко – надо орать погромче. Инстинкт! У вас как насчет инстинктов?

Она пожала плечами.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Динозаврица, – сказал я ласково. – Красивая и прекрасная, как стегозаврица... Или белая игуанодонна, что чао белла, чао, чао, чао... Сила и мощь, властелины мира. Пусть мелкие жалкие млекопитающие приспособляются, ты глыбоко права. Но это я так, от присущей творческим натурам волнительности и потрясательности данным моментом.

Она кивнула.

– Да, ты волнуешься, хотя и не показываешь виду. А когда говоришь, что волнуешься, то затем, чтобы подчеркнуть, что якобы совсем не волнуешься.

Я сказал пораженно:

– В точку... Хотя и женщина. Кстати, ангелы же бесполое, а как ты...

– Я же избрала жизнь среди людей, – напомнила она.

– Ух ты, – сказал я. – Ты все время среди них?

– Почти, – подтвердила она, – каждые сто лет захожу в ваш мир на несколько дней, а он всегда, ты не поверишь, так быстро меняется...

– Ого, – сказал я, – на целых несколько дней! Впечатляет. Хотя, что может измениться так быстро? Горы, сама говоришь, на том же месте. Даже река. Только лес разве что...

– Люди, – сказала она. – Люди стали тоньше и проницательнее с того времени, вижу по тебе. К сожалению, это ожесточило ангелов еще больше.

– Никто не любит, – согласился я, – когда тычут в морду доказательства твоей ошибки. Но на Творца вряд ли повысят голос, а на человеке можно и отыграться.

Она покачала головой.

– Не так просто. Творец не позволит.

Я поморщился.

– Кто весел – тот смеется, кто хочет – тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет... способ.

Она не сводила с меня взгляда.

– Ты говоришь так, словно что-то знаешь. Или это развитое в человеке чувство, которое называется интуицией?

– Странно, – возразил я, – если бы вы не научились чему-то у людей. А человек – существо мстительное. И даже гордится этим. Дескать, высокое человеческое чувство, которого нет у животных... Как догадываюсь, не было и у ангелов?

Она грустно улыбнулась.

– Ты прав, не было. Но теперь...

– ...есть, – закончил я. – Добро пожаловать в реальный мир, который сотворил Господь. Неважно, таким ли Он его хотел или нет, но получилось неплохо, как я считаю.

Она сказала с тяжелым сарказмом:

– Ты одобряешь его действия?

– Да, – ответил я важно и с достоинством, – полагаю, Творец сделал это неплохо.

– Думаю, – сказала она с тем же ядом в голосе, – Он будет польщен. Даже обрадован! Как же, Его похвалил человек и даже похлопал по плечу.

Я ответил с достоинством:

– Вообще-то я похвалами так просто не разбрасываюсь. Если похвалил, то за дело. А признание своих заслуг, думаю, приятно и Творцу. Он так старался, трудился, а с земли только жалобы и просьбы... Скажи, кто был моим противником?

Она посмотрела на меня с грустью на лице.

– Я сказала тебе имя.

– Имя, – ответил я, – ничего не говорит человеку. Думаешь, я знаю, кто из вас кто? За все время я общался с одним-двумя. Те еще морды.

– А этому хочешь отомстить?

– Да так, – ответил я дипломатично, – просто никогда еще я не терпел поражения так... сокрушительно. Встречал мордоворотов и посильнее меня, но чтоб вот так, как Бог лягушку?.. Или жабу? Да-да, жабу, лягушек Господь почему-то не трогает. Наверное, потому, что потомки гордых и прекрасных динозавров?

На ее тонко прорисованных губах проступила легкая улыбка.

– Ты уже догадался, кто он.

– Что противником был ангел? – спросил я. – Да, конечно, это без вопросов. Но кто он и где обитает?

– Тебе не достать, – ответила она.

– Значит, – сказал я быстро, – он не из консерваторов, а из либералов?..

Она промолчала, отвела взгляд.

– Ты говоришь слишком сложно.

– Но что-то не складывается, – задумчиво сказал я. – Насколько знаю, Светлым нельзя вредить человеку. Только помогать.

– Темным тоже запрещено вредить человеку, – напомнила она. – Напрямую. Только косвенно... Борьба шла за душу, а ее не завоевать ударом молота по голове.

Глава 4

Она отвернулась, я замолчал, стараясь понять случившееся. То, что мой противник не бессмертный нефелим или что-то подобное, понятно, но схватка была всерьез.

– Что-то изменилось? – спросил я с нехорошим холодком во всем теле.

Голос мой дрогнул, и она повернулась ко мне, глаза стали очень внимательными.

– Ты соображаешь очень быстро.

– Мы не живем вечно, – напомнил я. – Надо успевать.

Она проговорила задумчиво:

– Надо успевать... Не в этом ли сокровенный смысл божественного замысла?

– Да-да, – нетерпеливо сказал я, – именно в этом и есть сермяжная правда, она же посконная и конопляная. Так что изменилось?

– Маркус, – обронила она.

Я сказал с досадой:

– И здесь Маркус... Как же меня достал этот гад. Неужели ангелы получили право вмешиваться?

Она чуть качнула головой.

– А люди всегда на все получают право?

– Здорово, – сказал я озадаченно, – как же мы испортили ваше племя, какие же мы гады.

А какими были раньше светлыми овечками... Я имею вас, ангелов.

– В виду?

– Да, – сказал я поспешно, – в виду. Имею в виду. Хотя и так звучит двусмысленно... Хотя вам все равно, вы же бесполое. В общем, кто-то тайком от Господа начинает вмешиваться напрямую... или почти напрямую?

– Таких немного, – заверила она, – хотя почти все хотели бы вмешаться, но это значило бы признать поражение в споре за человека. Ангелам было позволено только подсказывать человеку неверные решения и подталкивать на недобрые поступки. Человек должен был сам своими поступками доказать либо свою непорочность, или выказать неумение жить правильно.

Я пробормотал:

– Похоже, вы теряете терпение.

Она сказала надменно:

– У нас впереди вечность.

– У человека тоже, – заверил я. – И он становится все сильнее, образованнее... Но если это не какое-то вульгарное нетерпение, то что?

– Маркус, – повторила она. – Впервые взгляды Светлых и Темных, как вы их называете, совпали.

Я вскрикнул в тревоге:

– В чем?

– Маркус, – проговорила она бесстрастно, – должен стереть с лица земли человечество. Окончательно.

Она замолчала, впереди показалась темная точка, распалась на две. Тут же обе стремительно увеличились и, взрывая лапами и копытами землю, перед нами остановились огромный черный конь с блестящей шкурой и великанский пес с разинутой пастью и высунутым языком.

Конь остановился и приветственно фыркнул, а Бобик бросился мне на грудь и успел в мгновение ока облизать лицо удивительно мягким и горячим языком.

– И я тебя люблю, – заверил я, – честно-честно... Познакомься, это леди... леди...

– Махлат, – подсказала она. – Махлат... ладно, пусть будет леди.

Я потрепал Бобика по громадной башке.

– Видишь? Мне имя не сказали, зато тебе... Почему вас все любят больше, чем людей?

Он повернул голову и уставился на нее с настороженным интересом. Она протянула к нему руку. Однако Бобик отступил на шаг, хотя не зарычал и даже клыки не показал, но и обычного дружелюбия не проявил, хотя эта леди наверняка могла бы бросить ему не бревнышко, а целое бревно на другой конец света.

– Все правильно, – произнесла она. – Он все делает правильно.

Я указал взглядом на арбогастра, тот поглядывает на нее с некоторой опаской. На всякий случай вообще отошел в сторону и, сделав вид, что вообще забыл про нас, выбивал копытом из-под земли камешки, подхватывал их мягкими зубами и пожирал, хрустя, как скорлупками орехов.

– А он?

Она смерила взглядом черного красавца: мускулистого, поджарого, роскошногривого и с пышным хвостом.

– Хорош... Он умеет больше, чем ты думаешь.

– Да? А почему служит мне?

– Ты похож на его прежних хозяев, – ответила она. – Возвращайся в свой дом и живи... как жил.

– Это совет, – спросил я, – или угроза?

Она чуть приподняла бровь и посмотрела на меня в удивлении.

– Зачем мне тебе угрожать? Когда я перестала понимать, что происходит, я просто живу, ни во что не вмешиваясь. Это другие... что-то еще хотят изменить. Но не я.

Я отпихнул Бобика, которому возжелалось потоптаться по мне, спросил как можно спокойнее:

– Ангел впервые напал на человека... это действительно желание что-то изменить. Даже несмотря на страх разгневать Творца.

Она повернулась и долго смотрела на медленно бегущие бесконечные волны.

Я терпеливо ждал, у ангелов в запасе вечность, вот и не спешат, наконец она проговорила:

– Видишь ли, я примерно знаю, как вы думаете. В ваших же старых книгах записано, что Творец низверг мятежных ангелов в ад, хотя на самом деле в том споре Он не участвовал. Даже у самого главного среди мятежников, их вождя Самаэля, подбившего Еву на грехопадение, Он за то, что тот нарушил все Его планы, всего лишь оторвал шесть из его двенадцати крыльев.

– Ого, – вырвалось у меня, – как же тот летал?... Да и на шести не представляю... Попробовать, что ли...

Она посмотрела на меня в изумлении.

– Все-таки человек туп. Вы всегда понимаете так буквально?

– Прости, – сказал я поспешно, – ну да, сейчас сообразил. Я чуточку стал заторможенным в последнее время, но зато в порядке компенсации красивее. Крылья – это лычки. На крыльях все равно не полетишь со скоростью мысли. Сорвал крылья – это сорвал лычки... Понизил в звании.

Она кивнула.

– Его перевели из мира Брия в более низкий духовный мир Иецира, а это значит, Самаэль все равно остается выше большинства ангелов. Светлых, как вы их называете. А те, которые Темные, продолжают выполнять указания Творца, только теперь у них работа менее благодарная.

– Ну да, – согласился я, – при понижении работа всегда тяжелее и... не такая чистая. Ты права. Мы как-то все воспринимаем проще. Дескать, ангелы восстали, Творец низверг нагнецов в ад, где теперь они и мучаются, вопя и стеная. А на самом деле понижены в должностях, а работают все так же на Творца. И платят им наверняка меньше. Отпусков тоже, как и выходных, лишены.

– Нет, – возразила она, – в субботу никаких мук.

– Вот уж не думал, – пробормотал я.

– Но тем ужаснее, – закончила она, – те кажутся на другой день.

– Но все-таки, – проговорил я, мягко поворачивая в нужное мне русло, – этот Алфофаниэш на меня напал...

– Возможно, – ответила она, – у него найдется какое-то объяснение? Или же он рассчитывал, что Господь долго терпит... а ударить не успеет, Маркус сметет здесь все раньше?

Я сказал мрачно:

– Или он решил, что Господь окончательно разочаровался в человеке. Хотя это предположение рискованное.

– Почему, – спросила она, – разве Маркус не карающая длань Господа?

– Потоп тоже был карающей дланью, – огрызнулся я. – Но Творец до последнего часа давал человеку шанс. А когда пришло время разверзнуть хляби, а в это время умер Мафусаил, Творец отложил потоп на семь дней вроде бы для траура и погребения праведника, но на самом деле давал еще недельку людям одуматься.

Она сказала нетерпеливо:

– Я это знаю. К чему ты рек эти слова?

– К тому, – отрезал я, – что Творец до последнего будет давать шанс. А это значит, не позволит всяким там бесчинствовать и творить nepотpeбствa, как бы вам ни хотелось насладиться местью. Скажи, а ты на чьей стороне?

Она грустно усмехнулась.

– Хочешь спросить, Светлая или Темная?

Я покачал головой.

– Нет, уже знаю, те и другие в большинстве против человека. Ты в этом большинстве или?..

Она кивнула.

– Скорее, или. Я из немногих, кто часто появляется среди людей, живет здесь подолгу, учится понимать вас. У меня есть симпатия к людям. Видишь ли, ангелы были созданы... бессмертными. Не специально, а... ну, как бы само собой. Для Творца создать бессмертными проще. Это, чтоб сделать смертными, затратил намного больше времени, изобретательности и гениальности.

Я сказал с самодовольством:

– Думаю, это было гениальное озарение, что приходит раз в вечность.

– Похвали себя, – сказала она недовольно, – похвали.

– Прости, – ответил я, – это все от зависти. Мы всегда завидовали вашему бессмертию. Хотя и понимали наши преимущества.

Она спросила с подозрением:

– Это какие?

– Чтоб совершенствоваться, – ответил я, – через смену поколений. Вы остались такими же, ибо бессмертны, а люди... с каждым поколением приподнимались на одну кро-о-о-охотную ступеньку.

Она подумала, сказала мрачно:

– Я не поняла, но чувствую в твоих нелепых объяснениях некий смысл. Люди за эти тысячи лет из диких двуногих зверей превратились в могучих хищников... Говорить это неприятно, но наиболее дерзкие из них уже начали бросать вызов даже ангелам.

У меня перехватило дух.

– Что, правда?

Она кивнула.

– Увы.

– И, – проговорил я, – чем кончалось?

– Ангелы жестоко наказывали дерзких, – ответила она тем же тяжелым голосом, – но люди все крепнут. И я зрю то страшное время, когда люди станут с нами вровень. Правда, только в силе.

Я согласился:

– Да, осталось только в силе. Во всем остальном мы уже давно выше. Потому он на меня и напал? Хотя я не бросал ему вызов?

Она покачала головой.

– Он тебя не убил...

– Ага, – ответил я с тяжелым сарказмом, – всего лишь смертельно ранил.

– Это другое, – пояснила она. – Ранить – это не убить. Это покарать.

– Ну да, – сказал я, – оправдание можно найти всегда. К примеру, собирался лишь проучить дерзкого смертного, а потом вернуться и вылечить... но что-то отвлекло. То есть он не убил, что-то другое убило.

Она взглянула несколько странно.

– Ты быстро находишь объяснение...

Я отмахнулся.

– Могу еще хоть сотню. Похоже, он подолгу жил среди людей и тоже кое-чему научился. Только все вы почему-то учитесь всякой гадости.

– Так от человека же.

– От нас можно всему, – сказал я. – Даже, как ни странно, прекрасному! Я сам слышал.

– Плохое для нас внове, – объяснила она. – А мы пока еще плохо различаем, что хорошо, что плохо.

– Вам нужна руководящая и направляющая длань Творца, – согласился я. – Это мы, предоставленные сами себе, выработали кое-какие базовые правила, а для придания им авторитета объявили, что получены от самого Творца. Хорошо, если не знаешь, где отыскать этого засранца, буду подозревать всех и каждого в союзе с ним.

Она взглянула с любопытством.

– И что это тебе даст?

– Отыщу, – ответил я, – и убью. На месте.

На ее губах появилась насмешливая улыбка.

– Ангела?

– А что тут такого? – отрезал я. – Земля принадлежит человеку.

Улыбка сползла с ее лица, а голос прозвучал очень серьезно:

– Никто и никогда не убивал ангела. Мы все бессмертны.

– Все когда-то бывает впервые, – ответил я. – Спасибо, что подлечила. Хотя это и было, скорее всего, разыграно между вами... но все равно спасибо.

Зайчик в поисках вкусовостей отошел на сотню ярдов, даже спустился по крутому берегу к самой воде, там вылавливал омытую водой гальку, хрустел ею так смачно, что мне самому захотелось попробовать погрызть, словно это кристаллический сахар.

Бобик влез в реку и нырял там, всякий раз появляясь с рыбиной в зубах, смотрел на меня с надеждой и со вздохом, выпускал на волю, но тут же азартно нырял за новой добычей.

Я свистнул, арбогастр выметнулся на зов с такой скоростью, будто его вынесли ко мне огромные темные крылья.

Махлат посмотрела на него, перевела застывший взор больших глаз на меня.

– Нет, – ответила она с той же серьезностью, – это не разыграно, если я правильно понимаю твои слова... Мы не всевидящи, как наш Творец...

– Слава Господу, – сказал я.

Она поморщилась.

– ...но я увидела, как вы дрались с Алфифаниэшем, и, когда он отбыл, я прибыла на то место.

– Почему? – спросил я. – Уж смертей ты навидалась!

– Да, – ответила она просто. – Но ты решил драться за людей и умереть с ними, если битва будет проиграна, хотя мог бы спастись... Это интересно.

– Только интересно?

– Необычно, – уточнила она.

– Героев много, – ответил я и, вставив ногу в стремя, поднялся в седло. – Я буду драться не один.

– Да, – ответила она, – но душа твоя черна. Черна и полна ярости и жажды разрушения.

– И что?

– Как ты можешь драться на стороне Светлых? – спросила она, поморщилась, – вот говорю это, а меня всю передергивает. Это же неправильно называть их Светлыми!

– Почему? – спросил я с жестоким интересом. – Темным стремно, что их зовут темными?

Она проговорила неспешно:

– Темные остались служить Творцу. Не потому служить, что верят, просто это послушные и бессловесные слуги. Тупая темная сила. А ведь те, что были побеждены и сброшены на землю, как раз и были самыми чистыми и светлыми...

Она замолчала, я закрыл рот, подумал, кивнул.

– Логика есть. Да что там логика, вообще-то бледные юноши со взором горящим... гм... и есть самые светлые люди на свете.

– Вот видишь, и ты согласен.

– Согласен, – подтвердил я. – Эти бледные со взором горящим, чьи сердца для чести живы, как раз и начинают все бунты, мятежи, перевороты, революции... Не буду уточнять, кто на самом деле прав, но имя Светлых должны носить, ты права, именно они. Однако... не запутаемся ли сами, если весь мир повторяет за церковью, что Темные – это Светлые, а Светлые – это Темные?..

– Потому, – сказала она, – нужно не называть...

– Тогда запутаемся еще больше, – сказал я. – Давай так, те светлые, что за спиной Творца, будут благородные консерваторы, а которые подняли возвышенный и красивый, кто спорит, мятеж, будут у нас прекраснотушные либералы?

Она посмотрела на меня с удивлением и уважением.

– Как ты быстр... Мы бы лет сто искали подходящее название.

– Динозавры, – сказал я похвальным голосом и пояснил: – Это такие древние мудрецы, очень неторопливые, но мудрые. У них было два мозга, один в голове, другой... ниже. Собственно, у всех у нас один мозг, спинной, но у людей утолщение на самом верху, а у динозавров был еще и внизу, так что они были вдвое умнее. У нас и сейчас, если кого хотят похвалить, говорят, задним умом крепок... Кстати, только сейчас придумал... Консерваторы и либералы – слишком длинно, хотя эти термины можно употреблять в официальных документах. А для житейского общения можно короче, четче и яснее, хотя житейское тоже имеет тенденцию переходить в узаконенные термины. В общем те, что за спиной Творца, – правые, а мятежники – левые. Правда, так лучше?

Она подумала, наклонила голову.

– Да. Мне кажется, даже как-то соответствует, хотя и не понимаю почему. Ты, как я понимаю, правый...

– Правый? – переспросил я. – Не совсем, ибо сердцем я – левый, еще какой левый. Ультралевый. Ястреб. Но у меня уже есть и мозг, к тому же почти работающий. Потому умом я на стороне правых. Ибо понимаю тех и других, как и всю вашу породу, но левые только ломают, а строят правые.

Глава 5

Бобик уже избегался кругами, даже арбогастр пофыркивает в нетерпении, дескать, разговор что-то затянулся.

Я разобрал повод, вскинул руку в прощании.

– Надеюсь, еще увидимся!

Она ответила со вздохом:

– До понимания нашей породы тебе столько же, как муравью до вершины вон той горы. Я повернулся, посмотрел на далекий сверкающий пик.

– Опасное сравнение.

Она спросила в недоумении:

– Почему?

– Могу муравья забросить туда прямо сейчас, – пояснил я. – Люди всегда находят возможности.

Зайчик сделал рывок, перед существом ее породы нечего скрывать возможности, все равно у нее их больше, ветер засвистел в ушах.

Через пару минут навстречу стремительно понеслась розовая громада Геннегау, его крепостная стена, а за нею быстро выросли крыши дворцов и башен.

Через город я пронесся, как демон на черном вихре, но у массивных ворот дворца Рюккерта, что стал моей резиденцией, стражи моментально ошетинились копьями.

– Вольно, – сказал я бодро. – Хорошо служите, молодцы!

– Рады стараться, – ответили они в один голос.

Кто-то бросился открывать ворота, Бобик ворвался первым, а от дворца к нам по уложенной плитами мрамора широкой дорожке поспешил встревоженный и одновременно обрадованный барон Торрекс Эйц, начальник охраны дворца.

– Ваше Величество?

– Все в порядке, – крикнул я.

– Ох, Ваше Величество...

– Знаю-знаю, – сказал я, – моя конячка бросилась встречать меня. И собачка с нею напегонки. А вы говорите, женщины, женщины... Вот кто нас любит верно и преданно.

Он сказал в тон:

– Да, ни одна женщина не выбежала за городские ворота. Да еще выбив ворота конюшни.

– Вот видите, – сказал я с укором. – Потому понимаете, почему со мной конь и пес, но ни одной женщины?..

– Вам везет, – ответил он с неподдельной завистью. – А у меня собаки нет, зато женщин хоть отбавляй.

– Соболезную, – сказал я, – но помочь не могу.

– Жаль, – сказал он. – Я-то надеялся, что возьмете хоть парочку...

– Ни за какие пряники!

Он спешил рядом, стараясь поспевать в такт моим шагам, я не только длиннорукий, но и длинноногий, искоса поглядывает на мое озабоченное лицо, никак не могу удержать маску невозмутимой державности, слишком уж суровый прессинг, а в животе, куда глубоко проникло лезвие меча Алфифаниэша, ноет фантомная рана.

В полутемных залах, куда свет проникает только через окна, придворных предостаточно, но после солнечного дня я не сразу различал лица, потому прошел быстро и нацеленно, строго глядя перед собой, изображая полное погружение в государственные заботы, хотя на самом деле погружен даже не в государственные, а в надгосударственные и, можно сказать, не утрачившиеся показаться высокопарно патетическим, в натурально-общечеловеческие.

Все залы богатством и роскошью превосходят те, что во дворце Кейдана, колонны в одном – из розового мрамора, в другом – все из малахита, даже стены и пол, лестница из просторного холла на верхние этажи – произведение искусства, которое замечаю, но любоваться некогда, некогда...

Стража в моем коридоре подтянулась, слышав шаги сюзерена, уже отличают от других, а морды расплылись в довольных улыбках. Это не настоящая дворцовая стража, а люди из моего войска, для которых я не столько король, как их любимый вождь, за которым идут к подвигам и славе.

Слуга в ярком цветном кафтане распахнул дверь в мой кабинет, а когда я переступил порог, почтительно и бесшумно закрыл.

Снимая через голову перевязь с мечом, я бросил взгляд в окно, что выходит на просторную городскую площадь. На той стороне королевский дворец, массивный и огромный, но Рюккерт свой строил позже, уже видя, как смотрится королевский, потому свой планировал с явным намерением превзойти королевский как в размерах, так и в пышности и великолепии.

Это и неудивительно, в большинстве королевств наиболее могущественные лорды владеют большими землями, чем короли, и могут выставить куда более крупные армии. Но теперь под моей дланью с этим не только покончено, но отныне и узаконено.

Высовываться из окна не решаюсь, могу увидеть то, что над головой, а там набухает, как зловещая раковая опухоль, красная звезда, что уже не звезда, а размером с Луну, и нет в Сен-Мари человека, который не крестился бы в ужасе, ненароком взглянув в небо.

За толстой дверью приглушенные голоса и шевеление, моя чувствительность растет, хотя часто и раздражает. Все-таки слышать шепот на другом конце зала или за плотно закрытой дверью вроде бы и неплохо, но обычно это всякая хрень и мелкие сплетни.

В коридоре напротив двери у стены двое слуг в пышной одежде, но пока что без королевских отличий, те только у слуг Кейдана. Оба подтянулись, на лицах готовность бежать и тащить.

– Графа Альбрехта ко мне, – сказал я. – То бишь Гуммельсберга. Если барон Дарабос близко, то и его, но специально искать не надо.

Один тут же унесся бегом, второй остался в ожидании новых распоряжений.

Я вернулся в кабинет, сердце стучит тревожно, никак не могу забыть лезвие ножа, пронзившее до позвоночника, и не менее тревожный разговор с Махлат, хотя я и старался не показывать ей своего страха и неуверенности.

Будь она мужчиной, я был бы откровеннее, но перед женщиной все мы пыжимся и раздвигаем плечи, это инстинкт, слабому не позволено продлять род, потому нас как бы и вообще нет на свете круче, когда общаемся с самками.

Дверь распахнулась, Альбрехт почти вбежал, лицо просияло, но взял себя в руки и остановился, склонив голову в поклоне.

Я отмахнулся.

– Бросьте, граф.

– Ваше Величество?

– Что, – спросил я, – ни черта не сделали за мое отсутствие, что вашевеличествуете?.. Что с отборным контингентом?

Он поднял голову.

– Отобраны и отправлены. По вашей железной дороге их доставят быстро почти к самой долине Отца Миелеса. И не устанут за время долгого марша. Чем больше думаю о той удивительной дороге, тем больше поражаюсь гениальности вашего замысла, Ваше Величество!

– Граф, – сказал я с подозрительностью, – вы точно разворовали половину королевства, что так нахально льстите.

Он вскрикнул с укором:

– Ваше Величество! Ну какую половину...

– Сэр Ричард, – напомнил я. – Когда мы в своем кругу, я – сэр Ричард для друзей, хотя там в Сакранте я изволил милостиво обозвать и объявить себя монархом.

– Ваше Вели... монархом?

– Это тот же король, – объяснил я нетерпеливо, – но которого лордам уже ни избрать, ни сместить, ни заменить другим. Монархия – единоначалие, самодержавие, абсолютизм. Ступенька на пути к Царству Небесному, которую никак не перепрыгнуть. Но это уже свершившееся, а нам нужно о том, что свершить только предстоит.

– Маркус...

Я сказал зло:

– Если бы знать, когда он обрушится всей тяжестью... Но все равно сразимся с теми людьми, что уже подходят к долине великой битвы. Какова ситуация в Сен-Мари?

Он прислушался, сказал с иронией:

– Сэр Норберт не просто спешит, мчится, как табун диких коней... Думаю, он расскажет точнее, хотя и я знаю достаточно.

– Не будем залезать в его епархию, – согласился я.

Слуга распахнул дверь, строго посмотрел в кабинет, потом повернул голову, всматриваясь в дальний конец коридора.

– Сэр Норберт, Его Величество ждет вас, поторопитесь.

Через мгновение в кабинет быстрыми шагами вошел Норберт, с выбритыми до синевы щеками и таким же подбородком, воинственно приподнятыми усами, привычно высокий, худой и прочный, как старый дуб со снятой корой.

– Ваше Величество...

Я указал на кресло.

– Садитесь, барон, давайте поменьше церемоний. Какова обстановка в Сен-Мари?

Он сел на самый край кресла, все такой же прямой, не позволяя себе не то чтобы развалиться, но даже опустить руки на подлокотники.

– Практически все задуманное вами было сделано в первую неделю, – сообщил он. – Но некоторым просто повезло, на тот момент оказались в своих замках и с полным гарнизоном. Все понимают, что вы вернулись в гнев и ярости. Кто-то останется и будет сражаться отчаянно, кто-то поспешит скрыться в дальнем имении, некоторые поспешат с изъявлениями преданности.

Альбрехт слушает с непроницаемым лицом, а я изрек веско:

– В отношении всех поступим одинаково: виновных к ногтю, а непричастные останутся в покое.

Альбрехт пробормотал негромко:

– Надеюсь, виновных будет достаточно.

Норберт спросил с иронией:

– Что, граф, уже раскатали губы на чьи-то земли?

– Чем больше земель окажется в руках верных Его Величеству людей, – ответил Альбрехт пространно, – тем наше положение будет надежнее. И ваше тоже, сэр Норберт.

– Да я же не против, – примирительно сказал Норберт, – это так просто. Больно вы серьезный сегодня, сэр Альбрехт. Не к добру.

– Я такой, – согласился Альбрехт. – И ответственный, кстати. У вас, Ваше Величество, все в порядке?

– Да, ответил я, – конечно. В полном. Если не считать такие пустяки, что над миром нависла Багровая Звезда Смерти, то можно устроить большой прием, а потом танцы.

Он сказал обрадованно:

– О, танцы... Можно, я помогу лорду-распорядителю в этом важном деле?

– Да, – согласился я. – Сразу после победы над Багровой Звездой. Альбрехт насупился.

– Ну вот всегда так... Надеюсь, она не застрянет в дыре небосвода.

– И не обрушит его весь, – сказал Норберт. – Там столько хрустала, на все люстры в королевстве хватит.

– Если все королевство осколками не завалит, – сказал Альбрехт.

– Теми осколками завалит всю землю, – уточнил я. – Как ведет себя Кейдан?

– Никак, – ответил Альбрехт. – Выжидает.

– Мудрая политика, – согласился я. – Кто может сражаться, сейчас уже в долине Миелиса или на пути к ней, остальные должны пахать и сеять. И вообще жить так, словно никакой Багровой Звезды нет и не будет.

– Вот-вот, – сказал Альбрехт, – значит, танцы все-таки устроим?

Я пожал плечами.

– Исходя из того, что я тут молот, почему и нет? Устраивайте. А я пока пройду по ненашим пенатам. Как наши алхимики?

– Которые маги? – переспросил Альбрехт. – Да почти никого не осталось. Всяк, кто поднимал голову и видел Багровую Звезду в небе, отправился в долину Миелиса. Надеюсь, окажутся полезными.

– И я надеюсь, – признался я. – Вообще-то самых могучих магов я встретил в Гандерсгейме, нужно будет навестить, узнать, пытаются ли как-то избежать. Хотя даже если пытаются, нам это ничего не даст. На людей они смотрят, как на милых мелких зверушек, даже с некоторой симпатией, но, конечно, не станут расшибаться в лепешки, чтобы нас как-то спасти.

Норберт сказал с тоскливой злобой:

– Что маги... Сами, возможно, что-то да придумают лично для себя. Кто-то поднимется в момент всеобщего разрушения в воздух и там переждет, кто-то сумеет спрятаться во что-то магическое, кто-то придумает что-то еще...

– Но на людей, – поддержал Альбрехт, – тратить все свои ресурсы не будут. Да и не хватит их.

– Да, – ответил я, – конечно... Подняться в воздух и переждать – здорово. Такое вроде бы простое и ясное решение...

Он спросил:

– А что, не смогут? У вас такое лицо...

– Подняться смогут, – ответил я, – да только падать придется весьма как-то не весьма. Как я понял, здешние чародеи потому и чародеи, что наловчились пользоваться, пусть и грубо, некоторыми источниками магии.

В его глазах что-то изменилось, но промолчал, а Норберт сказал быстро:

– Если Маркус разрушит источники, то маги потеряют силу?

– То-то и оно, – ответил я, – так что спастись могли бы те, у кого источник магии внутри, а таких не знаю.

– Кроме святых, – уточнил Альбрехт. – У них святость внутри. И еще аскеты могут. Наверное, могут.

– Не все, – сказал Норберт.

– Пусть и не все, – согласился Альбрехт, – но черпают из себя.

– Это здорово, – сказал Норберт, – только не знаю, как могут уцелеть. Во всяком случае, нам ничем не помогут.

Я промолчал, магов Гандерсгейма уже трудно назвать магами после того, как я уничтожил источник их мощи.

– Мы не маги, – сказал я, – потому нас больше заботит не как спасти свои шкуры, а как дать отпор Маркусу. Потому приветствуются любые предложения, даже самые дикие.

Альбрехт полюбопытствовал:

– А дикие зачем?

– Диких приручают, – пояснил я, – стригут, обучают, потом используют в битвах.

Норберт мялся, даже почесал в затылке совсем по-простонародному, хоть и благородных кровей, наконец проговорил с трудом:

– Ваше Величество... если бы знать, чему давать отпор.

– Да, – сказал я с сожалением, – если бы знать... Но на всякий случай собирайте все. Вообще-то не люблю интеллигенцию забирать в армию, но сейчас либо все погибнем, либо все или почти все выживем. В опасности даже не королевство! Все люди на свете в опасности. И сейчас наверняка начинают вести себя иначе, чем обычно.

Альбрехт коротко взглянул на Норберта, но тот молчал, Альбрехт сказал сдержанно:

– В короткое время правления Вирланда оживились ереси.

– Ого, – сказал я. – Это знаково.

– Ваше Величество?

– Продолжайте, – велел я.

Он сказал со вздохом:

– Подняли головы затихшие колдуны и всякие любители любой ценой добывать могучие амулеты. Это не говоря уже о том, что разбойничьих ватаг теперь впятеро. Не поверите, но начали врываться даже в села.

– Жаль, – заметил я, – не знал этого, когда вел с ними переговоры.

– Да, – согласился он, – но сейчас расхлебывать вам. Мы в первую очередь обратили внимание на главную угрозу, которую Вирланд считал достоинством: получивших прежнюю самостоятельность лордов, а эти неприятные мелочи будем выпалывать дольше.

– И с большими усилиями, – сказал я трезво. – Народ обычно радуется, когда король карает обнаглевшего лорда, но не любит и даже противится, когда вешают их сельского колдуна.

Он спросил, понизив голос:

– Проводить с прежней... решительностью?

– Да, – ответил я возвышенно, – и весьма... Сжигать на кострах при большом скоплении народа, заранее оповещая об этом население. Однако аресты будем проводить в два этапа.

– Ваше Величество?

– Сперва только тех, – объяснил я, – кто старается нечестивой магией обогатиться или получить власть над людьми или хотя бы даже над женщинами.

– А лекарей... на потом?

– Вы прямо в точку, – ответил я. – Лекарей и прочих колдунов, что помогают народу, пусть и за деньги, пока не трогать. Не следует восстанавливать против себя простой люд. Он платит налоги, больше от него требовать ничего не будем.

Он сказал осторожно:

– А что скажет церковь?

– Все долгосрочные проекты церкви, – отрезал я, – замораживаются ввиду чрезвычайной ситуации... Если в Ватикане не поймут, отец Дитрих меня все же поддержит, надеюсь. Объяснит, что Маркус все равно все сотрет с земли... а если справимся с бедой, тогда все можно снова и с большим рвением. Ибо. А пока нет.

Глава 6

Он помрачнел, все стараемся не вспоминать о Маркусе, даже мне хочется спрятать голову в песок, чтобы кто-то большой и сильный решил мои проблемы.

Норберт чуть пошевелился в кресле, но остался сидеть прямой, как лезвие рыцарского меча.

– Все, – произнес он, – что отложить можно... отложить нужно.

Альбрехт вдруг сказал:

– Ваше Величество, прошу вашего разрешения съездить с карательным отрядом в имение барона Лонгширда.

– А что там? – спросил я.

– По слухам, он приблизил к себе некоего нечестивого колдуна. Тот сперва подлечил его бесплодие, потом начал поставлять ему женщин, похищая из дальних сел... Все бы сходило с рук, но он, обнаглев, похитил пару девиц из благородных семей. А их родня, уже зная, откуда ветер дует, собрала дружины и сгоряча напала на имение Лонгширда.

– Погибли? – спросил я.

– Больше половины, – сообщил он буднично. – Остальные вернулись обгорелые и покалеченные, собирают народ заново. Обещают спалить все это разбойничье гнездо.

Я сказал нехотя:

– Хотя самосуд – самое верное и демократичное решение, однако почему-то власть, как принято считать, сама должна делать эту грязную работу. Потому пошли срочно туда гонца.

– Да, Ваше Величество.

– Пусть сообщит, – сказал я, – мы запрещаем нападать на имение барона Лонгширда. С ним разберемся сами по-королевски.

– Это... как?

– Без всяких адвокатов, – отрезал я. – Мое королевское решение превыше всего!

Норберт сказал опасливо:

– А стоит ли сейчас, когда Маркус вон в небе горит, как глаз самого дьявола?

– Надо, – ответил я со вздохом. – Иначе скажут, если власть бездействует, зачем им такое непотребство?

– Кто скажет?

– Все скажут, – заверил я.

Он хмыкнул.

– Это и сейчас говорят... Успокойтесь, Ваше Величество, это всегда говорят про любую власть. Вы же знаете, любой свинопас уверен, что лучше любого короля правил бы страной. Так что все своим чередом.

Я поднялся из кресла, оба тут же вскочили, серьезные и сосредоточенные.

– Ладно, – сказал я, – действуйте. Я изволю сосредоточиться на мысли. Потом сообщу свое милостивое решение. Не морщитесь, граф! У меня все решения милостивые, даже если как бы и не совсем, но нужно смотреть по-государственному, а не абы как.

Когда дверь захлопнулась за ними, я напомнил себе невеселую истину, что хотя Маркус вон все разрастается в небе, но каждый все равно занят своей повседневностью. Это называется жизненной колеей, из нее не так просто выскочить.

То ли дело я, даже и не запрыгнул в нее еще. Но тем более их дела касаются меня, как правителя. Потому должен заниматься их проблемами, улаживать, приводить к консенсусу, что-то или кого-то останавливать, а то и вовсе отменять... Не только что-то, но и кого-то. Возможно, пока ничего не придумал насчет.

Надо заняться бароном Лонгширдом, а в процессе может всплыть и решение насчет Алфифаниэша. Такое иногда бывает, когда в покое кровь застаивается где-то в нижнем головном мозге, а когда дерешься или срываешься с башен, то ее забрасывает участвующимся сердцем и в верхний.

Сэр Жерар вошел без стука, мы же оба на работе, произнес бесстрастно, но я все равно уловил в его строгом голосе неодобрение, к королю не должны вот так шастать всякие незнатные:

– Ваше Величество, к вам просится алхимик.

Я ждал продолжения, но он молчал, только выражение неодобрения моими действиями стало отчетливее.

– Ладно, – сказал я миролюбиво, – наверняка по важному делу. И не простой алхимик, те боятся даже моей тени, верно?

Он поклонился и отступил. В кабинет вошел Земмельвейс, еще больше исхудавший, удлинённый, в шляпе с высоким верхом, в расшитом хвостатыми звездами плаще.

В руке длинный посох с янтарным набалдашником размером с кулак. Посох удлинёлся, явно Карл-Антон умеет его вытягивать, как делал мальчиком Иисус, помогая своему отцу столяру. Совсем недавно в руках мага это был простой жезл, хоть и волшебный, а камень уже не просто камень, а драгоценный в том правильном смысле, что аккумулирует магическую мощь, а не просто позволяет собой любоваться, дескать, смотрите и ахайте.

– А, – сказал я, – Карл-Антон... Ты же намеревался отлежаться в обозе среди одеял?

Он развел руками.

– Не удастся, Ваше Величество.

– Что так?

– Я зачерпнул вашей темной силы, – напомнил он, – и теперь у меня в некотором роде странная связь с вами.

– Что, – спросил я, – мне тоже надо в обозе полежать?

Он ответил очень серьезно:

– Вам грозит огромная опасность, в то время как мною никто не интересуется. Даже обидно. Хотя я, напомню с гордостью, в Сакранте был главой магов, и на всем Севере не было равных мне по мощи. Я сумел подчинить себе вид очень сильной магии, овладев которой человек в самом деле приобретает большую силу. Остальные боятся с нею экспериментировать, она с самого начала начинает уничтожать дух и тело, и чем человек сильнее, тем быстрее умрет в страшных мучениях от неведомой болезни.

– Представляю, – сказал я буднично, он взглянул в удивлении, уверен, что выдал некую тайну, но я всего лишь подумал о высоких дозах радиации, та быстро сжигает человека изнутри. – Обречены все, если не умеют защищаться, а кто умеет?

– Тогда вы понимаете, – пояснил он, – почему я так осторожничаю с новыми заклинаниями и находками.

– Зато с кольцом получилось бесподобно, – признал я.

– Повезло, – ответил он, – все совпало. И само кольцо, и то, что я сумел понять, как им пользоваться.

Я пробормотал:

– Найти бы такое кольцо, в котором остался бы прошлый хозяин... Гм, вообще-то те кольца все должны быть такими. Или же в конструкции заложена программа разрушения, если хозяин решит покончить самоубийством?..

– А зачем такое? – спросил он. – Я хоть и отвергнут церковью, но полностью согласен с нею, самоубийство – грех и, хуже того, преступление.

– Кто знает их мир, – ответил я. – Иногда убивают себя, чтобы сохранить свои тайны.

Он посмотрел на меня внимательно.

– Я о таком не подумал. Ваше Величество, вы знаете людей лучше, вот уж не поверил бы.

– Политик, – ответил я скромно, – и отец народа должен знать...

– ...простой народ?

– Колдуны и мыслители, – пояснил я, – тоже народ. И тоже в чем-то простой, в чем-то сложный. Иногда убивают себя, чтобы сохранить тайны рода. Это тоже выше, чем такая мелочь, как жизнь.

Я все еще не предлагал ему сесть, а он не сказал, зачем притащился, словно у меня, кроме как поговорить на общие темы, и заняться нечем. Ощущение такое, что говорит чисто механически, постоянно к чему-то прислушиваясь, даже пару раз тревожно посмотрел в сторону окна, хотя через такое узкое протиснется разве что ворона.

– Или тайны рода? – повторил он. – Да, возможно...

– Видимо, – сказал я, – ты нашел кольцо, изготовленное для кого-то и еще чистое. Предполагаю, их изготавливали массово...

– Зачем?

Я пожал плечами.

– Если умели делать дешево и быстро, почему не обеспечить всех за недорого? В каждой лавке, к примеру, был ящик таких колец на продажу. Разной формы, емкости, веса, отделанности. Одни – просто кольца, это подешевле, а другие с драгоценными камешками – уже перстни...

Он посмотрел на меня с уважением.

– Ваше Величество, я вам уже говорил, но скажу еще раз и с великим удовольствием... я рад, что служу вам!

Я поднялся, потряс по очереди ногами, разминая мышцы, заодно передвинул меч в ножнах поближе к столу. Карл-Антон заметил, мне почудилось в его темных, как болотная вода, глазах одобрителное выражение.

Чувство тревоги зародилось из ничего, но я пренебрегать им не стал, ученый, лучше перебдить, недобдение чревато, простой зуботычиной не отделаешься, взялся за рукоять меча, делая вид, что хочу зачем-то осмотреть, это чтобы не выглядеть глупо, если ничего не случится.

Волна холода ударила с такой силой, что меня отшвырнуло к стене. Я ударился спиной и затылком о камни, меч инстинктивно выставил перед собой острием вперед.

Тяжелое грузное тело, появившись из ниоткуда, с силой ударилось об меня со стороны окна. Меч в моей руке резко подался назад, рукоять со звоном уперлась в стену. Туша незнакомца, захрипев, начала оседать на пол, опуская и мой меч, лезвие почти по рукоять всажено в мохнатую грудь.

Я уперся ногой, с трудом выдергивая клинок, успел увидеть второго напавшего: огромного демона с широким и загнутым на конце мечом в руке, но маг выкрикнул заклятие, противника отшвырнуло к стене, он взвыл, морда исказилась, я увидел, как его тело начало затягивать в камень.

Карл-Антон протянул перед собой обе руки, демон закричал в смертельной муке, отчаянно задержался. Маг захрипел, руки опустились. Демон начал было освобождаться, но заклятие еще действует, хоть и слабее, монстр погружался в каменную стену медленно, но утонул почти весь, только пальцы мохнатой лапы остались снаружи, да еще меч блестит на солнце, словно примагниченный...

Присмотревшись, я увидел, что и он прихвачен камнем, дикое зрелище, когда, как в мягкую глину, вошли где рукоять, где край лезвия, но сейчас это гранит, серый гранит, которому сотни миллионов лет, если не миллиарды, хотя я не вижу разницы между миллионом и миллиардом.

Я посмотрел на сраженного мною демона, этот распростерся передо мной на полу в луже черной крови, быстро оседает, будто куча грязного снега на жаркой плите.

Карл-Антон сказал дрогнувшим голосом:

– Что у вас за клинок... С одного удара?

– Повезло, – ответил я скромно. – Но у тебя, как ни обессилел, вроде бы еще есть... ягоды в ягодицах...

Он ответил слабо:

– Это последние капли. Ваше Величество... я уже... весь...

Он пошатнулся и без сил оперся о стену.

– В обоз, – сказал я с сочувствием. – Сейчас тебя отнесут, положат в телегу попросторнее и накроют шубами. По себе знаю, шелудивому поросенку и в петровку холодно. Пока не пройдет, будет знобить.

Он покачал головой.

– Нет, Ваше Величество, не до того. Меня удивляет, вы даже бровью не повели!

– Жизнь вообще удивительна, – сообщил я ему новость. – Мне в последнее время везет на такое. А вот ты почуял... это здорово.

– У меня нет вашей мощи, – пояснил он, – слабость компенсирую только осторожностью. Позвольте...

Он дотронулся, опираясь на посох, к внешней стене, потыкал кончиками пальцев в каменные глыбы рядом с окном. Я ждал, а он сосредоточился, закрыл глаза.

Через мгновение из камня вышел бесцветный призрак крупного мужчины с суровым лицом и удивительно мохнатыми бровями. Глаза прячутся в щелочках, но скулы широки, нижняя челюсть как у коня, плечи массивные, вид злой и нелюдимый, но что заставило меня вздрогнуть, так это небольшие красные рога на макушке.

– Кто это? – проговорил я.

Маг ответил вяло:

– Сам теряюсь в догадках...

– Но ты же знал?

– Я только почувствовал, – пояснил он, – что есть смутное намерение напасть сегодня... но я не думал, что это понадобится демонам. Ваше Величество, чем вы им насолили?

– Если бы я знал, – ответил я, – то постарался бы как-то помириться. Я человек неконфликтный. Когда мне отдают добром то, что желаю взять, я никого даже не вдарю...

– А чтоб догнать и еще добавить?

– Только в мыслях, – ответил я. – Я себя весьма смирю.

Он не слушал, подвигал неподвижного призрака вправо-влево, запустил руку вовнутрь и покопался во внутренностях, а когда вытащил обратно, я с дрожью увидел кровь на пальцах и нечто пытающееся вырваться из плотно сжатого кулака.

– Да, – проговорил он озадаченно, – странно... непонятная пара. Человек и демон. Но оба не совсем... не понимаю...

– Чего?

– В человеке нет крови, – ответил он непонятно.

– А демон?

– Демона вы завалили, – ответил он и зябко передернул плечами. – К счастью, он ринулся на вас, я бы не сумел... Хотя они оба на вас, но человека, хотя он не совсем человек, я все-таки смог...

Я оглянулся на быстро исчезающее пятно на полу, где только что лежал труп демона.

– А что с ним?

Он покачал головой.

– Странно очень. Чувствуете аромат серы?... Такое впечатление, что оба из преисподней. Из ада, говоря по-народному. Но там только определенные демоны...

– Догадываюсь, – ответил я.

– И им выход запрещен, – сказал он тревожно. – Что изменилось?

Глава 7

Я принялся, запах показался знакомым, но все-таки нет ощущения, что демон из тех, кого я пощадил, когда они преклонили передо мной колена, как я это называю, хотя на самом деле простерлись перед моим величеством ниц, выражая полнейшую покорность и отдавая свои жизни в мои властно беспощадные руки.

Карл-Антон накрыл кулак ладонью другой руки, пошептал, а когда повернул ладони вверх, словно призывая милость богов, обе уже сияли чистотой, ни следа крови, как и того мерзкого существа, что брыкалось в кулаке.

Я молча наблюдал, как он делал пассы над полом, там в ответ проступили странные следы, что-то среднее между босыми ступнями человека и широкими лапами зверя.

– Странно, – сказал он, – это и не оборотень...

– Почему странно?

– Чувствую привкус живой крови, – пояснил он. – Однако это не было существо нашего мира.

– Значит, – сказал я, – из ада? А сейчас их хозяева уничтожили их трупы, чтобы замести следы? Даже такие растяпы, как мы, могли бы попытаться по трупам определить заказчика.

Он посмотрел на меня с уважением.

– Вы с такими случаями уже встречались, верно? Я знаю, как заставить заговорить убитого, но такое вот существо... гм... даже останься он целым...

Я сказал как можно небрежнее, поспешно уходя от опасной темы:

– Ладно, это уже прошлое. Ты сейчас в обоз и отсыпаться?

Он покачал головой.

– Меня всего трясет. Очень уж интересная у вас жизнь, Ваше Величество. Настоящая, мужская. Ни за что бы не поменялся. Теперь с неделю не засну. Так что я лучше отправлюсь в другое место. Обоз находится к вам слишком близко.

Что-то в его треснувшем голосе заставило спросить:

– Место не слишком опасное?

Он помялся, непривычно такое видеть, ответил с неловкостью, даже взгляд отвел:

– Нет, конечно. К жене того пастуха...

– Ого, – сказал я, – зачем? Пастух жив и здоров, ты сам сказал.

Он вздохнул.

– Здоровее прежнего.

– Так в чем дело?

– После того, – сказал он с неохотой, – как он нашел то кольцо и неосторожно надел на палец, все то, что я знал и умел, все мои привычки, все-все перешло в него.

– Ты говорил, – сказал я нетерпеливо. – В смысле, ты завладел его телом. Но сейчас ты в прежнем! Или я не так смотрю?

– Да, Ваше Величество, я весь прежний, хотя, конечно, изменился. Как я и сказал, мне удалось создать себе новое тело из четырех стихий. Это трудно, но получается, если есть знания и достаточно мощи. Однако пастух, когда я из него вышел, не остался прежним. Покинул семью, отправился странствовать по свету.

Я сказал без особой досады:

– В жизни не все проходит гладко.

– Да, – подтвердил он с неловкостью, – и у нас не прошло. Увы, пастуху что-то перепало от меня, а мне от пастуха. Странные такие чувства к его женщине и двум детям... Почему-то я их всех троих стремлюсь защитить, уберечь... Я все-таки побывал там, хотя был слаб. Женщина как женщина, еще молодая, но уже изнуренная работой и голодом. Дети самые обычные,

оборванные, крикливые и противные. Но мне так тепло и радостно было, когда принимали меня как гостя... Я отсыпал им золотых и серебряных монет, предупредив, чтобы никому не рассказывали и тратили бережно. Во дворе возле самого дома вывел из-под земли родник, а то ей ходить к ручью далеко вниз, а потом подниматься с тяжелым кувшином на гору...

– А сейчас что планируешь? – спросил я.

– Просто посмотрю, – сообщил он. – Издали. Может быть, пройду по двору незримником.

– Давай, – сказал я, – но глубоко в семейную жизнь не влезай. Вон как я, воробышком прыг-скок, чирик-чирик. Время такое: прежде думай о родине, а потом о себе!

Он переспросил с сомнением:

– О родине?

– Сейчас вся земля нам родина, – сказал я сурово. – Честно говоря, в грядущей схватке с Маркусом каждый человек нужен. И неизвестно, кто больше.

Он кивнул.

– Да, Ваше Величество. Слушаю и повинуюсь. Вы – мой король. Вы настоящий король. Я встану с вами рядом, как встал сейчас.

Замок барона Лонгширда недалеко от Геннегау, я только сорвался с высокой сторожевой башни и пошел на большой скорости набирать высоту по длинной дуге, как буквально через пять минут увидел горную речку, где вода мчится и прыгает стремительно по камням, врагу не переправиться. А на мощном скалистом утесе красиво и величественно высится вытянутый к небу старинный замок, такие перестали возводить триста лет тому назад.

Я до рези в птеродактильных глазах всматривался в твердыню, что-то тревожит, но пока ни темного облака, что окружало бы здание – такое бывает, когда орудует сильный, но неопытный или не желающий скрываться маг, – ни дрожания воздуха, указывающего на присутствие некоей энергии, почти не ощущаемой живыми существами, но вот муравьи бегут из таких мест...

Вряд ли колдун здесь дурак, подумал я зло. Скорее всего не ждет в этом королевстве, взбудораженном подобно муравейнику, на который наступил лось, повышенного внимания к таким пустякам, как исчезновение каких-то простолюдинов в дальних селах. Армия оккупантов как раз больше истребляет благородных лордов, могущественных и богатых, известных всему королевству, это он тоже понимает, потому его злодеяния могут пройти незамеченными...

Внизу у основания донжона у костра трое стражей в кожаных панцирях, ноздрей коснулся запах жареного мяса. Дважды что-то блеснуло у одного на груди. Я всматривался изо всех сил, пока не узнал амулет против всех Крадущихся В Ночи. Он же заодно и делает зримым всех, кто прибегает к завесам с помощью магии, так что через главный вход не пройти, заметят сразу.

Настороженный, я сделал круг над донжоном, избегая снижаться, чтоб не заметили и не опознали, что птица не совсем птица, высмотрел у одной из башен перед закрытым ставнями окном крохотный балкончик, что не для любования природой, человеку туда не выйти, но цветочек в горшке выставить можно.

Жаль, в личине птеродактиля не могу пользоваться исчезновением, хотя все равно и в его теле человек, но все же что-то птеродактиль во мне мешает...

Едва лапы коснулись толстой, испарпанной когтями птиц доски, я поспешно скользнул в незримность. Даже если тут хозяйничает могучий колдун, то он будет позже, сейчас лишь бы не заметили простые стражники. Не так уж много времени нужно, чтобы осмотреться...

По ту сторону ставней тихо и темно, чувствую комнату, не очень жилую, что меня устраивает, потому осторожно отогнул металлические крючки и тихонько открыл ставни из толстых дубовых досок.

Протиснуться в узкое окно непросто, но на нижних двух этажах вообще не окна, а бойницы, здесь же пролез и только собирался соскочить с подоконника на пол, как дверь в противоположной стене открылась, вошла женщина со свечой в руке, прикрывая ладошкой трепещущий огонек.

Я застыл, не двигаясь, она сразу же устремила испуганный взгляд на открытое окно, в котором видно звездное небо. Я прижал палец к губам, она увидела мою темную фигуру, вздрогнула, рот открылся для крика.

Не двигаясь, не шевелясь, я только смотрел на нее с укором. Она некоторое время смотрела в том же испуге, но я увидел, как в ней борется желание убежать с криком и чисто женское любопытство.

– Кто вы? – спросила она. Не отрывая от меня взгляда, поднесла огонек свечи к напольному светильнику и зажгла все семь торчащих там свечей. – И почему вы здесь?

Слабый красноватый свет озарил небольшую комнату, где под правой стеной широкое ложе, там же столик и два стула, а еще два шкафа. На полу вытертая циновка.

Я улыбнулся как можно безобиднее и, не шевелясь, чтобы не спугнуть, ответил негромко и кротко:

– Просто хотел посмотреть.

Она сказала настороженно:

– А вы знаете, что бывает с теми, кто подглядывает в окно?

– Да, – ответил я чарующе, – их приглашают войти.

Она еще смотрела на меня так испытующе, что я уже забеспокоился, в самом ли деле так уж похож на насильника, наконец сказала с осторожностью:

– Хорошо, входите.

Я соскочил на пол, она поспешно отступила, даже руки вскинула защитным жестом, но я сделал шаг назад и прижался спиной к стене, продолжая улыбаться мирно, а во взгляд добавил восторга ее фигурой, лицом и ланитами. Ну, и персями, это, само собой, в первую очередь, иначе обидится.

– Кто вы? – спросила она шепотом.

– Друг, – ответил я. – Вы же сами видите, женщины в таких случаях всегда видят все, кроме тех моментов, конечно, когда намеренно ошибаются.

Ее губы чуть дрогнули в улыбке.

– Если вы грабитель, то берите от меня все, что угодно... Оставьте только деньги, вещи и жизнь.

– Прекрасно сказано, – одобрил я. – Вы здесь хозяйка или гостя?

– А вы издалека, – определила она. – Нет, я не хозяйка. Скорее, гостя.

Что-то в ее голосе заставило переспросить:

– Гостя?.. Но не совсем?

Она всматривалась в меня с прежним ожиданием, я даже не понимал, чего ждет, но что-то здесь не то, обычно женщина иначе реагирует на мужчину, который среди ночи лезет в ее спальню через окно. На незнакомого мужчину, имею в виду.

– Вы не простой грабитель, – определила она.

– Спасибо, – ответил я. – Вам здесь ничего не показалось странным?

Она медленно качнула головой.

– А если и так... почему вам это интересно?

– У меня свои причуды, – ответил я. – Возможно, наши интересы совпадают в чем-то и как-то. Если вы не хозяйка и не гостя...

Она покачала головой.

– Вы влезаете через окно и сразу начинаете допрос. Это я должна спрашивать.

– Нет, – возразил я мягко, – я здесь как раз для того, чтобы разузнать кое-что.

– Что?

– Нечто, – ответил я веско. – Некие силы... из почтения не скажу, какие именно, вы женщина и сами догадаетесь, заинтересовались этим замком.

– Почему?

Я сказал значительно:

– Им виднее. Если здесь все хорошо, то о нем забудут, а если что-то не так, его просто смахнут с лица земли.

Она вздрогнула, зябко повела плечами.

– Какие страшные вещи говорите...

– Жизнь вообще-то страшная штука, – сообщил я ей новость. – Сен-Мари всегда было мирным и сонным королевством, а потом началось нападение варваров, осадивших столицу, вторжение через внезапно открывшийся Тоннель армландцев, переход на их сторону герцога Брабантского, реформы, но после них маркграф Ричард внезапно покидает королевство со всей армией, Вирланд захватывает трон, но Ричард возвращается... Понятно, что в таком хаосе можно наловить всякой рыбки. Здесь ее ловят?

Завороженная моей речью, она вздрогнула при внезапном переходе к вопросу в лоб.

– Сэр... ваша речь выдает в вас благородного человека. Но почему вы... в такой роли?

– Орлам случается и ниже кур спускаться, – проинформировал я, посмотрел на ее напряженное лицо и добавил гордо: – Но курам никогда до облаков не подняться. Леди, если не можете или не хотите сообщить что-то важное, я прошу позволения пройти через вашу спальню в коридор. Если хотите, пройду с закрытыми глазами.

– Почему с закрытыми? – изумилась она. – У меня в постели ничего непристойного.

– Хотел бы я в ней понепристойничать, – сказал я со вздохом, – но всегда эти дела, дела, дела... А у вас глаза... очень крупные и выразительные!

Она чуть скосила глаза на свою высокую грудь в низком вырезе платья, а дальше с недоверием смотрела, как я отклеился от стены и пошел через комнату в сторону двери.

На всякий случай отодвинулась опасливо, когда я оказался слишком близко, но я держу взглядом только дверь, и когда уже взялся за ручку, она прошептала совсем тихо:

– В коридоре стражи нет, зато у лестницы... А ниже так и вовсе одна магия.

Я остановился, оглянулся.

– Вы ее чувствуете?

Она покачала головой.

– Нет. Но когда такое творится, это точно магия, что же еще...

– А что здесь не так?

Она прошептала:

– Не знаю. Но мы трусливее мужчин, чуем опасность лучше. Не знаю, кто вы... но я почему-то чувствую к вам доверие.

– Спасибо, – прошептал я, – это просто чудесно. А то я, бывает, и сам себе не доверяю.

Она не двигалась и не произнесла ни слова, пока я приоткрывал дверь на волосок, ловил ноздрами воздух и старался увидеть в запаховом, что где происходит в здании.

Глава 8

Когда я медленно затворил за собой дверь, сердце уже не стучит тревожно, а колотится так, что кровь волнами бьет в череп и ломится в уши. Оно первым ощутило, что пахнет кровью. Как старой, уже разложившейся, так и свежепролитой.

Я сжал и разжал кулаки, изготавив пальцы к цепкой хватке.

Стражи внизу у лестницы бросились навстречу бездумно, еще не рассмотрели в полутьме, кто у них в противниках. Я прорубился, как через густой камыш, виноватый передо мной лишь в том, что глупо разросся на пути хозяина планеты, ускорил шаг, побежал, потому что дальше в конце зала вспыхнул огонь и сразу осветил пространство, включая лестницу, злое-щим огнем цвета запекшейся крови.

К лестнице запоздало ринулись еще несколько человек, как мне показалось впопыхах, затем с холодом в сердце увидел, что это не совсем люди и даже совсем не люди.

Да, когда-то эти были человеки, некоторые совсем недавно, но сейчас злое колдовство изменило их так, что они стали соответствовать своему внутреннему «я», злые, алчные и жаждущие крови твари.

Я с мечом в руке пошел вниз по ступенькам не слишком быстро, давая им возможность разбежаться.

– Покайтесь! – произнес я свирепо. – И, возможно, Господь примет вас.

Они даже не переглядывались в поисках поддержки друг от друга, абсолютно уверенные в своей силе, к тому же с полдюжины разом бросились навстречу, толкаясь и мешая друг другу, явно не были раньше воинами.

Я с отвращением смотрел в злобно перекошенные морды и хари, как быстро мы теряем человеческий облик, стремительно шагнул навстречу. Они завопили в ярости, а мой клинок холодно и страшно блеснул в слабом свете тонких свечей.

Рубить этих тварей пришлось расчетливо и осмотрительно, пусть каждый слабее меня и вроде бы не соперник, но полдюжины – это немало, и только когда их осталось двое, прыгнул вперед и жестоко зарубил обоих двумя ударами.

На той стороне за приоткрытой дверью вроде бы что-то мелькнуло, я ринулся через зал со всех ног, с разбега ударил плечом, распахивая настежь.

Трое полуобнаженных женщин бросились с визгом врассыпную. Я крикнул бешено:

– Тихо, дуры... Где хозяин?

Одна указала дрожащей рукой на дальнюю дверь. Обычно колдунов и магов я заставлял в их лабораториях, трудоголики, но этот возлежит в кресле, а перед ним тяжело танцуют две голые и очень толстые женщины.

Я зашел со спины, женщины увидели меня первыми, но то ли под чарами, то ли по тупости, но лишь повели по-коровьи равнодушными взглядами, не прерывая танца.

Колдун что-то ощутил, неспешно и очень по-хозяйски повернулся, выворачивая толстую мясистую шею. Острие моего меча уперлось ему сбоку, придавив яремную вену.

– Тихо, – велел я. – Ни слова, ни звука, ни жеста. Я человек нервный, мне стоит чуть двинуть рукой... Где хозяин замка?

Он проговорил медленно:

– Кто ты? Я могу взять тебя на службу.

– Тебя возьмут черти, – ответил я, – но вовсе не на службу. Отвечай...

Он не ответил, я заподозрил неладное и с силой ткнул мечом, однако лезвие пропороло воздух, а колдун возник шагах в пяти под противоположной стеной, злой и торжествующий.

– Что ты вообразил о себе, – заорал он взбешенно, – дурак?... Знаешь, откуда я пришел?

– Знаю, – ответил я, – куда пойдешь.

– Я из затерянного города! – крикнул он, надсаживаясь и чуть ли не приподнимаясь на цыпочки.

– Затерянный город, – повторил я с предельным презрением, – а знаешь, сколько я их видел? В глазах мельтешит. А спрятанные королевства, пропавшие столицы... чем ты пугаешь, невежда? Я знаю даже про исчезнувшие континенты, а ты хоть представляешь, что такое Лемурия, Гондвана, Гиперборея?

Он заметно растерялся, но сказал люто:

– Советую тебе не лезть не в свое дело. И тогда я тебя пощажу.

Я свирепо отрезал:

– Теперь это и мое дело.

– Тогда ты умрешь!

– А ты, – сказал я, – умрешь в любом случае.

Он заорал в бешенстве:

– Гори, тварь!

Я инстинктивно выставил перед собой меч, держа его плашмя обеими руками, и огненный шар, ударившись о полосу стали, исчез, словно это иллюзия.

Колдун дернулся, торопливо повел руками, словно что-то объяснял глухонемым, из его ладони вылетел другой шар, еще мощнее.

Я все так же держал меч Вельзевула и успел заметить, как огонь жадно втянулся в лезвие. Даже показалось, что если бы держал меч левее или правее, шаровая молния свернула бы, чтобы оказаться сладострастно поглощенной мечом хозяина Ада.

– И что, – сказал я с победной злобой, – нечестивая магия ничто против святого палатина?

Он вскрикнул:

– Ты... паладин?.. С таким мечом?

Я сделал еще два быстрых шага и упер острие клинка ему под дергающийся кадык.

– Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Потому вам лучше молчать... а если не можете нанять адвоката, вам его предоставят в аду.

Он не успел ответить, хотя по глазам вижу, попытался бы, острие вошло в выемку между ключицами. Кровь брызнула щедро в обе стороны. Женщины с криками и визгом разбежались, присели у стен, закрывая ладонями головы, одна все же догадалась раскорячисто выбежать в распахнутую дверь, едва не выбив плечом косяк.

Я оглядел распластавшегося на полу колдуна на предмет подозрительного кольца, не хотелось бы увидеть такое, как у Карла-Антоня, ничего не отыскал, а те четыре на пальцах левой руки, что блистали крупными бриллиантами в обрамлении золота, на всякий случай содрал и сунул в карман, вдруг все-таки магические.

Чем ниже спускался в подвал, тем больший холод охватывал все тело, холод не столько страха, как странного омерзения, злости и отчаяния, в которое приходилось за всю жизнь впадать не так уж и часто.

Перед первой же дверью не только остановился, но и попятился из-за медленно выползающей струйки крови, уже багровой, загустевающей. Запах ужасающий, именно тем, что кровь не какая-то там древняя и разложившаяся, а свежая, недавно пролитая.

Дверь не поддавалась, я выбил ее плечом и замер на пороге. Просторный подвал весь забрызган кровью, а на столах и на полу обнаженные тела молодых женщин, уже обескровленные, желтые, умершие не позже, чем вчера или позавчера.

– Да что же ты за тварь, – вырвалось у меня, – хочешь стать кровавым бароном?.. Соревнуешься с кровавой Элизаветой?

Под левой стеной на крюках висят два уже обескровленных трупа, а под ними ванна с кровью. Кровавая графиня Батори вот так, купаясь в крови девственниц, зверски убила, под-

вешивая на крюки и пользуясь ножницами, шестьсот пятьдесят девушек, но молодости ей это не прибавило, как, думаю, не прибавит и этой сволочи, что пытается омолодиться здесь.

Полыхая уже не гневом, а ослепляющей яростью, я вылетел из подвала, чувствуя себя уже не человеком, а демоном мести. Как ветром меня пронесло по лестнице вверх, нигде никого, куда девалась охрана, тихо, и только издали доносятся веселые звуки двух труб и бодрый стук барабана.

Весело тебе, сволочь, мелькнуло в воспаленном сознании. Сколько невинных девушек загубил... Мужчин бы пытал, ладно, не жалко, хотя и за них бы повесил, но как можно обижать женщин?

Удалая музыка звучит все громче, я наконец добежал до той двери, куда вел запах свежей крови, задержал дыхание и с силой ударил ногой в дверь.

Я готовился выбивать ее, однако дверь оказалась незапертой и с такой силой ударилась о стену, что та задрожала.

Середину комнаты нагло и уверенно захватило огромное ложе, а рядом с ним располагалась ванна, до половины заполненная кровью. Кровью залит пол, вокруг кровати кровавые следы голых ступней, и даже одеяло, под которым спит, укрытый по грудь крупный мужчина с мясистым лицом, в темных пятнах крови.

Задышавшись от гнева и ярости, я стремительно пересек спальню. Барон ничего не ощутил, спал мирно, похрапывал, абсолютно уверенный в своем праве не только судить и казнить своих подданных, но и разделять их, как скот, подвешивая на крюки и собирая всю кровь для лечебных ванн.

Я с силой ударил его по лицу.

– Просыпайся, тварь!

Он вздрогнул, в ужасе раскрыл глаза, на губах уже собственная кровь, чувствует ее соленый вкус, попытался сесть, но я протянул вперед меч, и мужчина замер, только прошептал:

– Кто... ты?

– Барон Лонгширд? – спросил я.

Он торопливо кивнул.

– Да, но...

– Это чтоб не ошибиться, – процедил я, – хотя все в этом замке заслуживают лютой смерти!

Он зыркнул по сторонам и внезапно крикнул во весь голос:

– Харлег... Харлег, скорее сюда... Харлег, на помощь!!!

– Харлег уже в аду, – сообщил я. – Сейчас встретишь. Надеюсь, вас сунут в один котел с кипящей смолой. Только один вопрос: сам додумался?.. Или подсказал кто?

Он вскрикнул затравленно:

– Ты о чем?

– О крови девственниц, – напомнил я злое. – Что за мода, наполнять ванны их кровью?.. Кто подсказал? Ты слишком туп, чтобы самому додуматься!

Он быстро повел глазами по сторонам, не решаясь шевельнуть головой, в комнате только мы, проговорил слабо:

– Харлег... Это все Харлег...

– Еще бы, – сказал я недобро, – но он знал, кому предложить свои услуги, не так ли?

– Он меня заколдовал!

– Почему именно тебя? – спросил я. – Молчишь, сам знаешь... Почему стражи почти нет?.. Где гарнизон?

Он проговорил сломленно:

– Харлег заверил, с его мощью стража не нужна...

– Или не хотел, – безжалостно сказал я, – чтобы видели то, что творите. Что ж, отправляйся в ад... Как-нибудь зайду, я вас и там погоняю!

Он выпучил глаза, пытаясь успеть что-то сказать, быстро посмотрел в сторону, на губах злорадная усмешка, я невольно и сам отвел взгляд, вдруг да кто-то подкрадывается сзади с занесенным над головой топором, а барон с неожиданным проворством скатился с постели, отбежал на четвереньках, но я загородил проход к единственной двери, и он ринулся к двери на балкон, успев ухватить стоящий у изголовья меч.

Я заорал вслед:

– Что, пернатым можешь?.. Попробуй!

На балконе он забился в дальний угол, жалкий и трепещущий в длинной ночной рубашке, постыдное зрелище, меч направил обеими руками в мою сторону, но лезвие ходит ходуном, губы дрожат, таких хорошо бы топить еще в детстве, чтобы породу людей не портили.

– Пощади, – простонал он жалким голосом, – давай договоримся!

Я сказал зло:

– Знал бы, с кем разговариваешь, не пытался бы... С таким зверьем, каким бываю я, не договариваются. А кто твоему колдуну подсказал такую идею, не знаешь?.. Учти, мое нутро чует, когда врут.

Он ответил жалко:

– Не знаю... Колдун уверял, стану молодым и сильным.

– За счет жизни молодых девушек?

Он прохрипел:

– Их в селах все равно слишком много.

– И что?

– Всех не прокормить, – выдавил он через силу, – да и какая разница, если даже половину истребить?

Я сказал ему с ненавистью:

– Сделай хоть напоследок что-то хорошее!

Он прохрипел в ужасе:

– Что...

– Не мог накормить своих людей, – крикнул я, – накорми хотя бы рыб!

Он вытаращил глаза, я быстро шагнул вперед, небрежным движением меча отвел в сторону кончик его клинка, с силой саданул рукоятью в переносицу.

Сочно хрустнули хрящи и даже кости. Барон запрокинулся спиной на перила, а я толчком перебросил его безвольное тело на ту сторону.

Вода внизу подхватила труп и понесла, с силой ударяя о камни, чтобы размягчить мясо и раздробить для рыб кости со сладким костным мозгом.

Меч показался невероятно тяжелым, я кое-как сунул его в ножны и вернулся с балкона в спальню. В коридоре мертвая тишина, словно испарились даже толстухи-танцовщицы и музыканты, а когда я направился к лестнице, впереди тихохонько приоткрылась дверь.

Моя ладонь опустилась на рукоять меча, но в щели показалось пол-лица той женщины, через спальню которой я проник в замок.

– Что-то случилось? – прошептала она.

Я отмахнулся устало.

– Ничего особенного. Простая санация.

– Простите?

– Неприятно, – пояснил я, – чистить организм от мертвых тканей и гноя, но замок явно стал чище.

Она смотрела непонимающе.

– А где... барон Лонгширд?

– Там же, – ответил я, – где и приглашенный им колдун. В аду. Теперь можете признаться, кто вы и как здесь оказались?

Она открыла дверь шире, отступила в комнату, я вошел следом.

– Я гостя, – объяснила она виноватым голосом, – так сказал барон. Но поняла, что не гостя, а пленница, когда дверь на ночь заперли. Я леди Бланшфор, имение моих родителей всего в десяти милях.

– Понятно, – прервал я. – Теперь вы свободны, как ветер, если женщина ветреная. Или свободны как-то иначе.

Она воскликнула с жаром:

– Спасибо, вы мне так помогли... Может быть, и я смогу вам чем-то помочь?

Я посмотрел через ее плечо на медленно светлеющую полосу неба.

– Да, – ответил я тускло, – можете.

Глава 9

От замка барона Лонгширда до Геннегау десять минут по прямой, но я едва-едва взмахивал потяжелевшими кожистыми перепончатыми, чувствуя, что горечь не ушла, несмотря на все мои усилия и старания леди Бланшфор.

Бесчинства, ванны из крови девственниц... Что еще больше может вызвать гнев Всевышнего?... И отвратить лицо от людей, которым раньше покровительствовал?... Эти некие силы, что пытаются вбить клин между людьми и Творцом, не пропускают ни одного момента, чтобы Творец окончательно разочаровался в людях и махнул на них рукой, как на неудачное творение.

После чего ему останется только признать, что Сатана и его сторонники, отказавшиеся поклониться человеку, были правы.

И человечеству придет конец.

Будь я вегетарианцем, уже помер бы от истощения, половина всей нашей энергии уходит на прокорм мозга, так вроде говорят знатоки. Это такая маленькая, но прожорливая скотина, а у меня так и вовсе, когда вот так жрет, нагревается весь череп, будто при солнечном ударе.

Когда я сумел под завесой незримости опуститься на сторожевой башне дворца, что выстроена чисто для значимости, голова вообще раскалилась, можно на макушке яичницу жарить. Хаотичные мысли, передравшись, наконец начали приходить к какому-то консенсусу или пониманию вчерне, что вот Светлые ангелы, то есть правые, не могут убить темных либералов, то есть левых. В той страшной первой схватке правые сумели только победить и сбросить левых на землю, запретив появляться как на небесах, так и на земле, но с той и другой стороны все остались живы и почти целы.

Левые тоже не могут победить правых по той же самой причине. Не потому, что силы почти равны, просто оружие в руках ангела не в состоянии лишить жизни другого ангела, будь он ультраправым или ультралевым и адептом предельных толерантных свобод.

Убить ангела, как я слышал не раз, может только смертный, ибо смертный это такой монстр, что убить может всех и всякого. Но, к счастью, Бог не дал свинье рог, иначе бы всех перебодала. Говорят, что и крыльев потому не дал, хотя свинья и просила, тогда бы и небо все изрыла.

И, конечно, простым мечом или копьем ангела не убьет и даже не поцарапает никакой смертный. Вообще неизвестно, чем смертный может убить, если даже мечом самого ангела не в состоянии ранить ни его хозяина, ни другого ангела.

Получается, вроде бы оставлена крохотная возможность, однако воспользоваться ею некому. Догадайся, мол, сама.

Но если возможность есть, то человек такая настырная скотина, обязательно что-то придумает, изобретет, создаст. Тем более насчет убить. Это строить пока не очень-то умеет да и не шибко любит, зато убивать научился еще у муравьев, что единственные на свете ведут войны против таких же точно муравьев, потому и развились так, как никто другой в их насекомьем мире.

В кабинете походил взад-вперед, сердито сопя и всхрюкивая в такт гениальным мыслям, они с каждым поворотом справа налево и слева направо все гениальнее и несбыточнее.

Сэр Жерар несколько раз заглядывал встревоженно, однако я отмахивался, дескать, не мешай, король изволит мыслить о высоком, короли вообще мыслят только о высоком, даже когда заняты низменным и очень низменным, но орлам, как уже говорил, случается и ниже кур...

Когда ничего больше в голову не лезло, хотя некая цель наконец-то трудно и смутно формируется в черепе, я прокричал уже в отчаянии и надежде:

– Тертуллиан... Тертуллиан... Мне нужна твоя помощь!!!

Дверь из коридора распахнулась, с жутким грохотом и лязгом ворвались двое с обнаженными мечами в руках, а следом трое с копьями. Все в железе с головы до пят, зубы оскалены, глаза горят жадной зарубить хоть кого-нибудь и тем самым доказать свою необходимость.

– Ваше Величество?

Я сказал сердито, на самом деле скрывая неловкость:

– Это я так молюсь... истово. Истово и нараспев. С выражением. Идите-идите... Разве «Тертуллиан» похоже на «Караул»?

Ульман проворчал:

– Мы не поверим, что Ваше Величество когда-либо прокричит такое поганое слово.

– Тогда ваша служба, – сказал я, – не так уж опасна и трудна. Идите бдеть в коридоре...

Кто проиграет в кости и всю одежду, тот будет ходить голым!

Айсватер вскрикнул в ужасе:

– Ваше Величество!

– Вы на службе народу, – подчеркнул я. – А народ – это я, поняли? Потому бдите и будьте. А теперь пошли отседа, пока я вас не поубивал в неудержимом монаршем гневе!

Они вышли, второй раз орать Тертуллиану я не стал, если мой глас остается вопиющим в дворцовой пустыне, то, как ни повышай голос, все равно не услышит, а если услышал и не пришел... что ж, у меня меч Вельзевула, это его могло окончательно отвернуть от такого ученика, почти помощника ада, а то и вовсе его исчадия.

Выждав, я позвал уже хоть и не совсем шепотом, но негромко:

– Логирд... Логирд? Ты мне нужен...

Через пару мгновений в кабинете мелькнул клочок тумана, рядом раздался полный достоинства голос:

– Ваше Величество?

– Логирд, – сказал я, – фон Темрунг... как отпрыск старинного и благородного, потому крайне бедного рода, ты понимаешь, как трудно отыскать того, кто крайне нужен?

Он повис передо мной в воздухе: крупный и массивный, глаза выпуклые, нос крючком, тяжелая нижняя челюсть с раздвоенным подбородком, широкий рот и мясистые губы, – такие чаще бывают тайными советниками королей, а то и канцлерами, но он свободолюбиво избрал мученический путь недопонятого современниками ученого.

– Ваше Величество, – сказал он невозмутимо, – я не понял, при чем тут намеки на бедность моего рода? Я несколько поправил его финансы, когда стал некромантом. Некромантия – не очень почетно и уважаемо, зато прибыльно и действенно, что вы, как политик, оценить должны. Пожалуйста, сформулируйте свой вопрос так, чтобы я по своей слабости ума понял.

– Мне нужен совет, – ответил я.

– Ваше Величество? Вам?

– А почему мне низзя?

– Вы же теперь монарх, – ответил он.

– Я демократичный монарх, – пояснил я. – И всенародный самодержец. Потому мнение народа мне вовсе не безразлично... совсем уж.

– Как присутствующий здесь народ, – сказал он, – позвольте спросить, в чем заключается ваш вопрос, Ваше Величество?

Я тяжело вздохнул.

– Нет, это не твое поле, успокойся. Некромантией заниматься хоть и хочу, но не буду. Политика еще некромантнее!

– За что вас и уважаю, – сказал он, – как некроманта высшего уровня. Политики – это некроманты экстра-класса.

– Дело касается сущности, – сказал я, – что находится от тебя на другом конце карты. Или на другом полюсе. Я имею в виду, не поверхность земли. В общем, я хотел докричаться до Тертуллиана...

Он вздрогнул, по нему прошла волна, искажая черты лица и всей видимой части фигуры.

– Понятно, – сказал он хмуро, – это да, не мое.

– А ты его там не встречаешь, – спросил я, – где-то?

Он покачал головой.

– Нет, мне те сферы недоступны. Впрочем, ему мои тоже.

– Жаль, – сказал я со вздохом. – Ничего, устроим демократию, никаких закрытых клубов, никаких тайных обществ, все отнимем и поделим... Ладно, извини, что побеспокоил.

Он поклонился.

– Ваше Величество, – напомнил он почтительно, – вы мой сюзерен. Как ваш вассал, я счастлив, когда вы произносите мое имя. И втройне счастлив, если бываю полезен некроманту не доступных мне уровней.

– Да-да, – сказал я, – я тоже счастлив. Король силен своими вассалами.

– Кланяюсь, – ответил он с предельной уважительностью, – и отбываю с вашего позволения.

Я сделал милостивый жест кончиками пальцев, отпуская такого несколько странного вассала. Логирд не стал исчезать моментально, а, соблюдая церемониал, отступил, кланяясь, и вдвинулся в стену.

Вернувшись к столу, я только собрался сесть, как весь кабинет залило ослепительным светом. Все разом исчезло, словно меня внесло в центр Солнца или в начало Большого Взрыва, когда свет был яркий и еще предельно чистый.

Я поморгал, глаза не слепит, даже непривычно, из плазменного огня выдвинулось огромное грозное лицо с сердито сдвинутыми бровями.

– Чего орешь, – прогрохотал он африканским голосом. – Не личит рексу визжать, как недорезанная свинья!

– Я не визжал, – возразил я. – Это искажение пространственно-временного континуума. У меня голос и тембр уверенного и видящего будущее своей страны и народа политика.

Он громыхнул:

– Ого, у него есть будущее?

– Тертуллиан, – сказал я умоляюще, – времени мало, я без твоей помощи вообще пропадаю...

– Ну-ну, – прорычал он, – давай еще поподлизывайся. Это я тоже люблю, хоть и осуждаю. Но люблю. Человек амбивалентен, слышал такое?

– Тертуллиан, – сказал я, – тут такое дело. На меня совершенно неспровоцированное нападение...

– Неспровоцированное? – переспросил он с недоверием. – Точно? Чтоб ты и не спровоцировал?

– Абсолютно, – заверил я. – На этот раз точно. Я даже не встречал этого ангела, который смертельно ранил меня и оставил подыхать. Если бы не Махлат...

Он дернулся, спросил резко:

– Махлат?

– Да...

– Ты уверен? – спросил он.

– Она сказала так, – ответил я, защищаясь. – Если и соврала, как все женщины, то кто их поймет? Но хотя я выражения лиц ангелов не читаю так же хорошо, как людские, но мне показалось, не брешет...

Он сказал посерьезневшим голосом:

– Ты хоть знаешь, кто она есть и вообще?

– Она вылечила, – пояснил я. – Я умирал от раны. В самом деле! Моя способность заживать раны куда-то исчезла. Даже не понимаю почему...

Он сказал нетерпеливо:

– Никуда не исчезла. Просто от мечей ангелов все раны смертельны. И только ангел может излечить. Значит, Махлат тебя излечила... А кто нанес рану? Ты знаешь его имя?

– Да.

– Кто это был?

– Она сказала, его зовут Алфофаниэш.

Он дернулся.

– Всемогуший Господь... Одно другого лучше! Умеешь ты выбирать себе противников. Может, лучше сразу о стену убьешься?

– Я не выбирал, – сказал я, защищаясь. – Он сам напал. Взял и напал.

Он спросил с недоверием:

– А ты его перед этим даже не стукнул? Не плюнул ему в суп?.. Ладно-ладно, постараюсь поверить. Но неужели сам Алфофаниэш?.. Тогда это серьезно. Что-то изменилось.

– Да кто он такой?

– Сын, – произнес он значительно, я уловил в мощном голосе скрытую тревогу, – самого Ашмодея, царя всех демонов! У Ашмодея от брака с Лилит и родился этот Алфофаниэш. Его еще называют почтительно Мечом Ашмодея, ну это как тебя почему-то Защитником Веры.

– Ну, не совсем почему-то...

– Алфофаниэш, – продолжил он, – командует тысячами демонов, так что ты проиграл схватку не мальчику на побегушках, пусть тебя это утешит. Когда он родился, в тот же миг были созданы сразу три ангела: Малхиэль, Атуриэль и Нешриэль для противовеса, это тебе что-то говорит? Сразу три! А еще в день его рождения появился князь святости с титулом Меч Царя Машиаха, зовут его Машхиель, а также Кохвиэль.

– Здорово, – сказал я ошарашенно. – Намотаю на ус... Никогда бы не подумал, что такое возможно.

– Чего бы не подумал?

– Я полагал, – ответил я, – всех ангелов создали в первый же день творения! Вместе со светом, когда еще не было не только человека, но вообще никакой материи!

Он отмахнулся огненным рукавом.

– Это сами ангелы так заявляют, подчеркивая свою древность. У них, как и у вас, древность рода почему-то считается достоинством. На мой взгляд, это не достоинство, а совсем наоборот, но спорить с такими не стоит.

Глава 10

Я запнулся, Тертуллиан, несмотря на его постоянно меняющуюся огненность, все же выглядит встревоженным. Не просто озабоченным, а в самом деле встревоженным, а я его не видел даже озабоченным, настолько для него с его жарким темпераментом все понятно и просто.

– Так он демон, – проговорил я, – а выглядит как ангел...

Он рыкнул:

– Как будто не знаешь, что Темными они называют друг друга вовсе не из-за цвета крыльев или тог.

– Но Алфифаниэш не ангел, – возразил я, – а всего лишь сын... Правда, высшего ангела и самой Лилит... Ладно, понял. Так как узнать, почему он решил убить меня? Хотел именно убить, невзирая на запрет Творца вредить вот так прямо!

Он хмыкнул.

– Как узнать... Не представляю. Однако обязательно нужно предупредить старших архангелов.

– Я лично знаю только одного, – сказал я.

– Михаила?

– Да.

Он кивнул с одобрением на лице.

– Это старший. В самом деле, первому лучше узнать ему.

Я набрал в грудь воздуха, спросил:

– Он Михаил или Мihuил, как правильно? А то мы все произносим по-своему...

Он поморщился, сказал яростным голосом, в котором я услышал грохот сталкивающихся вдали миров и даже почти увидел дикий блеск взрывающихся галактик:

– Михаил не обратит на тебя внимания, кричи не кричи. Но если сделаешь что-то...

– Что?

– Не знаю, – ответил он честно. – Такое, что ему по душе. И достаточно заметное, а не просто начнешь читать молитву перед едой, чего, кстати, вообще-то никогда не делаешь.

– Я произношу мысленно, – сказал я поспешно, – а Всевышний читает в наших душах, как в открытой книге с крупными буквами и цветными картинками.

Он проговорил в том же яростном блеске протуберанцев, но я уловил в его страстном голосе нотки нерешительности:

– Хотя вроде бы есть слабая возможность...

– Какая?

Он подумал, я чувствовал в этом плазменном огне буйство мыслей, наконец он выпалил, словно ударил файерболом:

– Он присматривает за той частью земли, где расположен Мордант!

– Что, – спросил я недоверчиво, – архангел присматривает за Мордантом?

Он взглянул строго.

– А что не так? Мелкие ангелы вообще приглядывают за отдельными людьми! По ангелу на человека. Правда, толку от них... А за четырьмя частями света присматривают четыре высших архангела: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил. Михаил как раз присматривает за той частью, где расположен Мордант. Он, конечно, и названия такого не знает, ангелы слишком спесивы, чтобы запоминать людские имена, тем более что королевства то возникают, то рассыпаются... Он присматривает за регионом, а там в последнее время начала нарастать Тьма. И слишком быстро.

– И что, – спросил я, – сам Михаил не в состоянии пройти там с огненным мечом?

Тертуллиан посмотрел, как на последнего придурка.

– А что, для тебя новость, что ни один ангел не может убить человека?.. Он даже зверя не может, ибо вся земля отдана человеку с ее лесами, зверями, рыбами и птицами. Если ангел вмешается, то сразу потеряет крылья и отправится в ад. Господь предусмотрел все. Мне кажется, ни один ангел вообще не может поднять руку на человека, такой запрет Господа. А вредить могут, только нашептывая всякие... ну, искушения. И подсказывая неверные пути. Но все же выбор за вами!

Я возразил:

– Но меня точно пытались убить!

Он сказал серьезно:

– Это нелепо и невозможно, потому верю. Что-то начинает меняться, но не уловил, что. Изменения люблю, просто обожаю, но это не нравится.

Я проговорил размышляюще:

– Если отправлюсь в этот проклятый Мордант...

– И наведешь там порядок, – продолжил Тертуллиан, – то есть восстановишь прежний.

– Ладно, – ответил я, – допустим, справлюсь. Но что потом? Как я позову самого Михаила?

Он искривил рожу в жесткой усмешке.

– Да вот просто и позови.

– И что, – спросил я с недоверием, – явится?

– Не знаю, – ответил он откровенно, – но ангелы слышат, когда люди произносят их имена. Это не значит, что являются к этим ничтожным существам, но...

– Ангелам свойственна благодарность?

Он покачал головой.

– Как раз нет. Благодарность – это свойство человека. Но он может снизойти к тебе, ибо ты оказал ему услугу, и он вдруг да восхочет воспользоваться тобой снова.

– Ну да, – отрезал я, – на мне где сядешь, там и слезешь.

Тертуллиан усмехнулся.

– Узнаю нашу натуру. Во всяком случае, это может сработать.

– Времени у меня мало, – сказал я. – Маркус близко.

– Ты можешь все решить в одно касание, – заверил он. – Я же тебя знаю. Ты шустрый, как молодой таракан, хоть уже и король. Живи ярко.

Я инстинктивно закрыл глаза от ослепляющей вспышки, хотя уже знал, что этот дивный свет первого дня творения ничуть не слепит, а в следующее мгновение кабинет уже пуст и сер, а я в центре этой унылой серости.

– Шустрый, – пробормотал я. – Когда под тобой раскаленная сковорода, любой забегает...

В Мордант проще всего попасть, как уже был там недавно, с помощью браслета Иедумэля, я снова оделся, опоясался мечом и, стоя посреди кабинета, начал осторожно сдвигать верхнюю часть браслета, не столько слыша, сколько чувствуя легкие щелчки, когда останавливается на делениях нижней половинки.

Моментально возникло чисто и ясно лицо Яэль, младшей сестрички Гелионтэль, которая вся иззавидовалась по поводу ее беременности, непривычно резкое и объемное. Раньше было в гадостном тумане, бесцветное, сейчас же стереоскопичное, цветное, могу любоваться ее нежнейшим румянцем, пересчитать эльфийски длинные и красиво загнутые ресницы, обрамляющие крупные чистые глаза, такие беззащитно наивные и доверчивые, что да, эльфы обязательно должны быть под защитой людей, иначе люди их же и уничтожат, несмотря на некую тысячелетнюю эльфийскую мудрость...

Браслет под моими грубыми пальцами сдвинулся еще на деление, почти моментально возникло, чуть подрагивающее, лицо Гелионтэль, затем ее сестер, Мьюэль и Оэль, а еще щелчок на грани слышимости вызвал трагически прекрасный образ Ричэль... Жаль, не могу увидеть Клемента, да и Ричэль не целиком, только лицо и узенькие плечики...

Щелчок, я вздрогнул, возникло во всей ослепляющей красоте и величии лицо Синтифаэль, божественно прекрасна и величественна, королева есть королева. Правда, в глазах грусть, но это только я могу заметить с некоторым стыдом и чувством вины.

Следующее деление показало Изаэль, эта счастлива, губы шевелятся, что-то говорят, но радостный и любящий взгляд направлен вниз, словно рассматривает ползающего у ее ног карапуза.

Я отыскал Лалаэль, больше всего тревожусь за нее, если то можно назвать тревогой, почти не вспоминаю за делами, но в то же время остальные все как-то устроены, даже счастливы, а вот Лалаэль, что так недолго побыла королевой Ламбертини...

Некоторое время любовался ее нежным лицом, даже непонятно, то ли кольцо Гонца заработало в полную силу, то ли, на что мне хочется надеяться больше, во мне прибыло сил. Не хочу и думать с какой стороны. Может быть, от черной короны, временами чувствую в себе это бездонное море хаоса, я же Властелин ужасающе могучего мира, который сам и уничтожил, но эта мощь сейчас во мне, как у единственного уцелевшего и вобравшего в себя эту дикую мощь.

Я долго любовался ею, уже почти задержал дыхание, чтобы проломиться через тот адский жар в теле, ломоту в костях и грохот в черепе, но пальцы словно сами сдвинули кольцо браслета, и вслед за щелчком в воздухе проступило еще лицо, нерезко, в сером цвете, смутно знакомое, но все же не припоминаю...

Плоское изображение подрагивает, грозя исчезнуть, я задержал дыхание, уже почти узнавая. И хотя это не то, что мне сейчас нужно, с другой стороны, надо хвататься за любую возможность, за любых союзников или тех, кто хотя бы на время может стать ими...

Я сжал половинки браслета, задержал дыхание.

Никакого жара, грохота, рева встречного ветра, комната просто померкла, а взамен проступил край каменной стены старинной кладки, за нею смутно различим некий пейзаж, можно угадать деревья, но все так серо и расплывчато, словно смотрю на попавший под дождь карандашный рисунок.

Я влез в шкуру исчезника и сделал шаг вперед. В лицо с силой пахнул резкий и чистый воздух, здесь намного прохладнее. Я обнаружил себя на веранде высокой башни, если это башня. В трех шагах два стола, в кресле женщина с тем лицом, что я увидел с помощью браслета Иедумэля, а спиной ко мне мужчина с большой лысиной и неопрятными седыми волосами вокруг плечи.

Халат его мне показался знакомым, такой был на Энгилфиде, который занимался наблюдением за периметром, до сих пор не знаю, что это за работа. Но это не Энгилфид, тот был повыше, а этот совсем коротышка. К тому же Энгилфид не снимал свою красную тиару, а этот светит лысиной, но если бы мог носить такую же шапку, то обязательно бы воспользовался...

Что я лезу со своим уставом, мелькнула мысль. Возможно, у них лысина как раз и служит признаком великой красоты, ума и благородства.

Беседуют тихо, меня не замечают. Правда, лицом ко мне только Беата, все такая же не по-эльфийски крепенькая, с непривычно широкими для эльфов плечами, брови густые, хотя даже в затерянном племени Барноэля у всех вытянутые в тонкие шнурки и загнуты красивыми дугами, придающими удивленное выражение.

Еще когда мои подошвы коснулись пола, мне показалось, что мужчина чуточку дернулся, но продолжал слушать возмущенный голос женщины:

– ...и потому меня это задевает! А ты, что ты?

Он проговорил степенно и по-барски нехотя:

– Милая Беата, конечно же, мне это не нравится тоже. Однако ты знаешь, все зашло слишком далеко...

– Именно, – возразила она, – слишком далеко... Час в полдень – это куда ни шло, простолюды ко всему привыкают...

Он кивнул.

– Но благородные люди, – сказал он снисходительно, – чувствовали недовольство, так?

– Это не просто недовольство, – отрезала она. – Это уже злость и даже ярость! Когда те начали два часа в сутки рыскать по городу, а теперь уже и три...

– Недовольство благородного сословия перешло в возмущение, – согласился он. – Беата, я с тобой согласен во всем. Меня это тоже унижает, но что мы можем?

– Не знаю, – отрубил она.

– Я тоже не знаю, – произнес он искренне.

Она сказала с нажимом:

– Но что-то должны? Филипп, ты же лучше других все понимаешь!

С холодом во всем теле я вспомнил тех чудовищных волков-оборотней, что мчались по улице опустевшего города. Огромные и массивные, не меньше чем по двести фунтов каждый, все в буграх мышц, острые клыки длинные, как ножи, когти высекают искры о булыжник... но в дрожь меня бросил тогда именно взгляд, который один из оборотней метнул в мою сторону: холодный и беспощадный интеллект в глазах, абсолютно аморальный и бесчеловечный, но самое страшное, что это не просто разумные звери, а нечто намного более страшное, намного.

Я перевел дыхание, и снова мужчина вроде бы насторожился, сделал паузу, прислушиваясь.

– А что мы можем? – спросил он. – Мне кажется, уже упущен поворотный момент.

– Какой?

Он пояснил:

– Когда еще можно было что-то изменить.

– Но мы сильнее! – сказала она с жаром. – Нас целый город!.. Да что там город – все королевство!

Я не видел его лица, но кожа на темени чуть сдвинулась, словно он сильно сморщил лицо.

– Беата... Горожан это все еще устраивает.

– Уже нет, – возразила она. – Я разговаривала со многими.

– И что?

– Многим не нравится, – ответила она, – что оборотни захватывают все больше времени для своей беготни по улицам!

Он отмахнулся.

– Ну да, ну да. Они хотели бы, чтобы оборотни бегали не больше часа. А то и вообще ограничить одной пробежкой через город. Но правлением оборотней довольны, не так ли?

Она сказала с жаром:

– Только самые безразличные!

Он чуть повернулся, словно бы поудобнее устраиваясь в кресле, вроде бы невзначай зыркнул в мою сторону, очень легко, даже слишком бегло, только взгляд неприятно цепкий, схватывающий, я бы даже сказал, профессиональный, но ответил все так же легко и даже вальяжно:

– Безразличных большинство. Быть свободным опасно и неудобно, а эти полузвери дают абсолютную защиту. Их точно никто не ограбит... я имею в виду горожан, а как раз этого и страшатся простые люди больше всего.

– Но даже простые должны понять, – возразила она, – оборотни уже не просто охранники! Они все больше и больше подгребают под себя власть в городе, а потом захватят и все королевство!

– Обратни поступают безошибочно, – произнес он со вздохом. – Они не пытаются захватить слишком много.

– Но они усиливаются!

– Усиливаются медленно, – напомнил он, – и ровно настолько усиливают свою власть. Не больше. Они, как уже сказал, безошибочны.

Глава 11

Снова мне почудилось, что он каким-то образом почуял мое присутствие, даже говорит вроде бы так, чтобы я услышал, хотя вообще-то это моя тяжелая жизнь из беспечного дурня выковывает такого угрюмого и подозрительного типа.

Она сказала безнадежно, но все еще упрямо:

– Но что-то же мы должны? Мы уже для них скот. Сейчас отлавливают по городу преступников, а потом пожирают их в тюрьме...

Он тяжело вздохнул.

– Как только слухи об этом просочились в город, разве это вызвало всеобщее возмущение?

Она буркнула:

– Народ туп. За сытое благополучие отдал свободу.

– Вот-вот, – согласился он. – За сытое благополучие. Помнишь, что сказали наши выборные на Совете города, когда стало известно, куда исчезают преступники?

– Думаю, – сказала она язвительно, – оборотни намеренно допустили такую утечку. Чтобы проверить реакцию. Если город встанет на дыбы, скажут, это ложь, просто вывезли виновных в кражах за границы королевства и там отпустили, запретив возвращаться... но наши отцы, стыдно сказать, даже одобрили! Дескать, все воры притихнут, узнав, что все равно их выследят своим волчьим нюхом и сожрут. Как будто оборотни, не получая мяса преступников, станут кушать травку!..

– Мы ничего не можем сделать, – произнес он тяжело. – Ни-че-го. Совершенно. Я же сказал, они безошибочны.

Она сказала с горечью:

– Но что-то можно?

– Поздно, – ответил он до жути трезвым голосом. – Они не дают нам шанса. Все просчитано. Не делают следующего шага, не проверив, насколько это для них безопасно. Потому не идут на риск, пытаясь захватить город, наращивают преимущество медленно, как пауки, пеленающие мух перед тем, как начать жрать с удовольствием и неспешно... А до этого даже заботятся о нас. Беата, им нельзя сопротивляться! Да и не стоит. Простой народ ничего не знает о приближении Маркуса, они даже не небо не смотрят, но мы понимаем, что скоро не будет ни оборотней, ни нас...

Она прошептала:

– Просто дотерпеть?

– Да, – ответил он.

Она прошептала горько:

– А пока что они будут наслаждаться жизнью... Как и мы, оберегая свой скот от волков, от болезней, строя для них теплый хлев, давая нарастить мяска перед тем, как зарезать... Филипп, ты же мудрый! Ну не может быть, чтобы совсем уж дальше только хуже!

Он вздохнул тяжело.

– Не знаю... Может быть, наш гость скажет что-то дельное?

Она дернулась, быстро посмотрела по сторонам, даже заглянула за перила балкона, повернулась к нему.

– Какой гость?

– Сейчас поинтересуемся, – ответил он и очень неспешно, чтобы не встревожить меня, а то дернусь и сделаю что-то слишком нежелательное, повернулся в мою сторону.

Делать нечего, я вышел из незримости, чувствуя себя глупо и хуже того, позорно, все-таки подслушивал, что неприлично, хотя интересно.

Беата ахнула:

– Ричард?

Филипп пробормотал чуточку удивленно:

– Вы... знакомы?

– Еще как, – заверил я, – как вспомню ту ночь с Беатой и ту смятую постель...

Она вскрикнула:

– Что?.. Ты не был в той постели! Ты спал на лавке!

– А потом? – спросил я намекая. – Когда упились и всю ночь меня терзала? Вот ненасытная... Но мне вообще-то понравилось. Хотя если говоришь, что я не был с тобой в постели, то не был, как скажешь. Я всегда готов подтвердить все, что хочешь, Беата. А вам, сэр Филипп, в самом деле могу сказать, что делать.

Он поинтересовался ровным голосом:

– Что?

– Когда не удастся справиться самим, – пояснил я, – зовут на помощь соседа.

Он смотрел на меня исподлобья, взгляд испытующий, предельно спокойный, наконец обронил:

– У вас очень сильная защита.

– Но вам не помешала, – сказал я.

Он покачал головой.

– Помешала. Я ничего не увидел.

– А как же?

– Запах, – ответил он, – шорох, ваше шумное дыхание... Я вообще-то дыхание человека ловлю за сто шагов, а женское – за семьдесят. Потому так изумился.

Я ответил на его невысказанный вопрос:

– Нет, я не шпион вовкулаков. Беата подтвердит, хотя и с неохотой.

Он кивнул и, не обращая на разозленную Беату внимания, поинтересовался:

– Так что насчет соседей? У нас на севере королевство Аганд, на востоке Сакрант и Пекланд, на юге королевство Эбберт...

– Простите, – сказал я, – что прерываю, но должен сообщить, такого королевства больше нет. А его земли вошли в состав королевства Великая Улагорния, основу которой составили Скарлянды и Варт Генц. Таким образом, мы все-таки соседи.

Он посмотрел на меня с сомнением.

– А вы...

Я учтиво и с достоинством поклонился, легко, как бы шутя, я же король, могу и кошке поклониться, я же настолько велик, что мне все к лицу и все можно.

– Король Великой Улагорнии, – ответил я. – Да-да, он самый, мое королевское Величество. Великий король, даже монарх. Король-Солнце, самодержавец.

Он смотрел с таким недоверием, что пора бы обижаться, хотя вообще-то понимаю сам, королем по современным стандартам никак не выгляжу.

– Понимаю ваше недоверие, – сказал я с сочувствием, – что делать, жизнь такая, а люди еще лучше. Сам бы хотел сидеть на троне и пальчиком указывать Беате, как именно танцевать перед моим величеством, но приходится носиться по землям и странам, латать дырки, а они все расходятся, ширятся, только треск стоит...

Беата зло зашипела, станет она плясать даже перед королем, бросила ядовито:

– Самый близкий сосед у нас королевство Сакрант.

Филипп кивнул, сказал ровно:

– Да, верно. Но король Леопольд очень осторожный и осмотрительный человек. Он ни во что никогда не ввязывается. А с оборотнями связываться просто побоится.

Беата сказала мрачно:

– Филипп, перед тобой в самом деле сам Ричард. Тот самый, Завоеватель.

Филипп поднялся, хотя и без спешки, лицо все же дрогнуло, как ни старается сдерживаться и держаться как ни в чем не бывало, учтиво поклонился.

– Ваша светлость... мы слышаны...

Я отмахнулся.

– Как уже сказал, я – мое Величество, но это неважно. Король Леопольд в самом деле очень разумный человек и обычно прислушивается к моим доводам.

– Ваша армия еще в его королевстве? – поинтересовался он. – Да-да, мы слышаны. Уж простите, Ваше Величество... садитесь вот сюда, здесь не дует, сиденье мягкое, подлокотники как у трона...

– Только часть армии, – ответил я любезно и сел. – Только часть моей армии в Сакранте.

– Но достаточная, – уточнил он, – чтобы король прислушивался к голосу разума, у которого отчетливый металлический лязг, не так ли?

– Вы сказали все верно, – сказал я. – Думаю, нам хитрить незачем, мы не выступаем на городской площади. Когда буду старым и толстым, я буду сидеть на троне, даже восседать, и смотреть, как пляшут шуты. Но сейчас я пока что больше приятель Беаты, облеченный большой властью и наделенный, как вы прозорливо заметили, некоторой силой и достаточным влиянием.

Беата сказала мрачно:

– Видала я таких приятелей.

Филипп воскликнул шокированно:

– Беата, это же король!

– А вдруг он брешет? – спросила она. – А там в Сакранте был другой Ричард? Поумнее, поинтереснее и покрасивше?... Ладно-ладно, пусть даже король. И что он может? В Сакранте король – Леопольд.

Филипп опасливо зыркнул на меня и сказал почтительно:

– Да, но... мы слышали, Его Величество Ричард достаточно... влиятельный человек. Человек, разгромивший Мунтвига... не может быть невлиятельным.

Она сказала саркастически:

– Ну да, он ограничится одним влиянием! Точно все захапал и под задницу сгреб.

– Тем более, – сказал Филипп со вздохом. – Его Величество выглядит именно решительным и деятельным королем. Ваше Величество... вы хотите предложить нам помощь оккупационными войсками?

Я покачал головой.

– Нет. Я предлагаю освободить вас от оккупационного войска оборотней своим ограниченным контингентом, составленным из неограниченных добровольцев. Короли всех стран, объединяйтесь – мой сегодняшний девиз!.. Как могу не помочь кузену против ползучего и нелегитимного, хоть и в чисто демократических традициях захвата власти?

Он спросил осторожно:

– Ваше Величество... к нам надолго?

– Посмотрим, – ответил я. – Это зависит от.

Он понизил голос:

– Устроить вас на это время?

– Пустяки, – заверил я. – Днем в делах, ночь привычно в постели Беаты. С утра тотально рекогносцирую на ограниченной местности этого смешного королевства всякие аномалии. Не волнуйтесь, если я взялся за дело, оно уже не вырвется!.. Беата, пойдем. Уточним по дороге всякие мелочи. Спокойной ночи, Филипп!

Он поспешно поклонился.

– Ваше Величество...

Беата настолько ошалела, даже не попыталась освободить руку, когда я взял ее за локоть и властно вывел в коридор. Уже там дернулась, я поспешно ослабил хватку, она отодвинулась к другой стене, она посмотрела дикими глазами.

– Ты что?

Я посмотрел удивленно и строго.

– Я?

Она фыркнула, некоторое время шла рядом молча, потом, глядя в пол, спросила неожиданно:

– А тебе в самом деле понравилось?

Я не понял, переспросил:

– Что?

Она посмотрела искоса и тут же отвернулась.

– Ну, когда я тогда упилась... и ты меня уложил в постель...

– Ах то, – я поспешил подпустить в голос воодушевления. – Это было незабываемо!.. Ты просто чудо. Я даже не ожидал, что такое можно. Просто прэлэстно... и даже восхитительно!.. Как бы вот так и весьма зело, хотя временами и обло, но больше зелости... Нам, самцам, это ого-го! В смысле, нравится. Ты была неподражаема. Знали бы короли, какая ты в постели, сразу бы войну за тебя начали. Да что там короли, императоры бы подрались! И началось бы Великое Переселение народов... Гм, а может быть, и в самом деле так и было...

Она смотрела во все глаза, и хотя эльфийскости в ней хорошо, если половина, но глаза от эльфийских предков точно, огромные и широко распахнутые, смотрят с наивным доверием и ожиданием.

– Я ничего не помню, – пробормотала она угрюмо. – Мне ужасно стыдно... Я вообще-то не такая... А ты подлый гад.

– Это вино, – с сочувствием сказал я, – раскрыло тебя. Твою богатую духовную натуру, твой потаенный мир, скрытый от обыденности и привычности, твой неистощимый потенциал и пренебрежение всякими предрассудками и устаревшей моралью...

Она ахнула, прикрыла рот ладошкой.

– Даже моралью? Что я творила, что творила...

Я ласково обнял ее за плечи.

– Все было хорошо.

Она зло сбросила мою руку, резко остановилась на выходе из коридора в большое помещение.

– Прочь! Грязное животное. Я не такая.

– Я тоже не такой, – сказал я с сочувствием. – Я рыцарь без страха и упрека в сверкающих латах. Но у меня не хватает духу быть им круглые сутки. Ну хоть ночью должно же вылезать из нас темное, звериное?

Она вздрогнула, напряглась, а в глазах мелькнул страх.

– А ты, – произнесла посуровевшим голосом, – не из этих?

– Каких? – спросил я.

– Которые ночью...

– А, – протянул я, – которые ночами превращаются в зверей?.. Беата, я человек свободный и демократично мыслящий, у меня нет запретов и сковывающей морали, потому могу выпускать из себя зверя когда угодно, никаких норм, никаких ограничений!

Она отступила на шаг, ладонь поползла к рукояти кинжала.

– И сейчас можешь?

– Да когда угодно, – заверил я. – Я же не дремучий вурдалак, который хоть не верит в Христа, зато верит в тысячи сковывающих его и опутывающих запретов, законов, обычаев, в некую память предков... Но ты не поглядывай на меня так уж ласково. С какой стати буду

выпускать его сейчас?.. Мне сейчас мозги нужны, а какие у зверя мозги? У него их меньше, чем у женщины.

Она поморщилась, моя шпилька сразу вернула ее в привычное состояние боевой готовности, выпрямилась во весь свой высокий для эльфийки рост.

– Па-адумаешь, – выговорила с невыразимым презрением, – мудрец! И что ты сказал мудрого? Что с вурдалаками хорошо бы покончить?.. Так это я раньше сказала!

– Умный не всегда говорит первым, – напомнил я. – Но ты брякнула весьма к месту, так что да, это весьма, скажи только, где их вожак?

– Вожак?

Она смотрела в недоумении, я повторил:

– Вожак. У людей вождь, у волков – вожак, хотя это одно и то же, нечего пользоваться разными, хоть и похожими словами. Стая без вожака распадается. Жаль, что не так, как у муравьев, те после потери матки гибнут все до одного, хоть их миллионы, а волки все же потом реорганизуются, кто-то после серии схваток с соперниками сумеет настоять на своем лидерстве...

Ее глаза вспыхнули, сказала быстро:

– Предлагаешь воспользоваться такой ситуацией?

Я покачал головой.

– Новый вожак может счесть затею с внедрением в городскую жизнь неправильной или опасной... и вообще увести стаю в леса. Или в горы.

– Тогда старого нужно убить как можно скорее, – сказала она.

– А ты знаешь, где он?

Она покачала головой.

– Нет.

– А Филипп?

Она подумала, пожала плечами.

– Вряд ли. Он больше на догадках. Но у него почти всегда в цель. Умеет складывать пустячки, сразу видишь картинку. У меня так никогда не получится.

– Женская логика, – сказал я авторитетно, – хаотичная, интуитивная. У нас все со ступеньки на ступеньку и так до самых вершин, а вы... часто прыгаете сразу к верному решению, обгоняя рассудительных мужчин.

Она довольно заулыбалась.

– Спасибо.

– Но чаще, – уточнил я, – мордой о дерево.

– Почему о дерево? – сказала она обидчиво.

– Можно о стену, – согласился я, – это неважно. – Пойдем, чего мы встали? Или у тебя постель не застлана?

Глава 12

В ее небольшой комнатке я сразу заставил стол деликатесами, как мясными, рыбными и птицей, так и сладостями, создал два изящнейших фужера, где стекла почти не видно, а золотые медальоны словно висят в воздухе, и только когда наполнил красным вином, великолепие дизайна заблестало во всей красоте.

Беата пару раз придирчиво зыркнула на постель, то ли проверяла, аккуратно ли все застелено, то ли тщетно пыталась вспомнить, что же она там вытворяла такое особенное.

– Перекусим, – предложил я. – Извини, не могу предложить ничего достойного твоего обаяния и тепла, но мы в дороге, так что сухой паек, как ты понимаешь...

Она поморщилась.

– Это сухой паек?

– Ну да.

– Какой же ты, – сказала она с отвращением, – зажратый весь!.. Куда в тебя столько лезет!.. Представляю, как упиваешься и ужираешься, когда в своем королевском дворце!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.